

Среди прочих возникает Маргарита Меркурьева. Лет ей... двадцать. Нет, пожалуй, больше, года на два, на три. Она сухощавая, с тонкими пепельными волосами и широко расставленными, будто от удара, глазами. В зависимости от окружения цвет глаз меняется от светло-голубого до стального. По данному ей характеру и происхождению Рита живёт там, где родилась – в наукограде, сначала закрытом, теперь открытом. И вот ещё что – когда Рите было два года, мать её умерла, и Рите выпало расти под присмотром сменявших друг друга мачех и при скачках от нуля до умеренного тепла отцовской к ней привязанности.

Что? Нельзя ли как-то более счастливо? Да ладно! В других мирах и не такое устраивают. К тому же последующие события требуют того, чтобы у Риты оставались нерастраченной детская любовь и язвящая память об отце.

К данному моменту Ритиногo отца уже нет. Вместе с Ритой сейчас другой мужчина. Он стоит на травянистом бугре и смотрит в сторону города.

У Риты под ногами – песок грунтовой дороги. Эта дорога идёт от ветхих, со следами реставрации ворот заброшенного парка и проходит через пустырь к шоссе.

Песок под ногами у Риты глухо шуршит. Тонкий шорох. Такой же и наверху, где мелко трепещет под ветром листва. Два слоя шорохов. А между ними движется Рита. Ступни при ходьбе мягко увязают в песчаных ямках и лёгкими усилиями вытягиваются.

Так же шагало и по широкой прибрежной полосе под соснами далеко от этого места. На север. У Финского залива. Там находится город, в котором родился тот, кто стоит сейчас с фотокамерой на бугре. Наречён этот человек по месту своего ро-

ждения Александром Бекетовым. Извилистыми путями дальний родственник Риты.

Тут Александр вскидывает камеру, твёрдой рукой наводит объектив. Щёлк затвора. И на дисплее застывает картинка: болотно-зелёная полоса пустыря. За ней – ломаная линия уходящих в овраг деревенских крыш. А на охряном горизонте в светящихся нимбах – тёмные башни домов. Может, потом это где-нибудь пригодится.

Взгляд отрывается от окуляра и свободно скользит по пространству. Рука тянется вниз, срывает былинку и кладёт её в рот. Прищур на отдалённо цветущий куст шиповника, густо проросший сквозь штакетник забора. Из калитки выскакивает женщина в сбившемся платке. А в небе в сторону города с рёвом несется глухой военный самолет.

Под его рокот Александр и Рита встретились глазами. Смотрят друг на друга настороженно. Александр первым опускает взгляд, убирая камеру в футляр. И вдруг начинает хлопывать карманы куртки, будто что-то ища. Рита отвела глаза и оглянулась.

Вдалеке за оградой клубится высокий парк. Там сумеречно и тихо. Сквозь заросли одичавших аллей маячат остатки огромного дома. Склеп ушедшей оттуда жизни. От него змеятся по корням и тропам сумрак и сырость.

Может, одичалость и заброшенность этого места и толкнула их на пределе вжаться друг в друга, чтобы ощутить горячий ток жизни. А как вышли из парка, так сразу разошлись: Александр – на бугор, Рита – вбок на дорогу.

Оклик Александра заставил Риту перевести взгляд на него. Лицо у Александра нахмурено. Бьёт двумя пальцами по циферблату часов. Нет времени? На что? До его поезда времени ещё полно. Александр делает знак рукой идти к оставленной на шоссе машине. Сам сбегает с бугра и уносится вперёд.

В сгущающем краски предвечернем свете весь его облик полон энергии и очарования. Прямое высокое тело пружинисто и легко несёт по дороге его драгоценную жизнь. И манит быть с ним. С ним, быть может, ... да! – может открыться радость и сила жить. Прилепиться к нему и наполниться таким желанным, таким всеобнимающим ощущением родства.

Ну да, разбежалась! Забыла, каким холодом обдал, когда вышли из парка? Близость – ловушка с приманкой радости. Прихлопнет – не очухаешься. Но ведь есть же, кто умеет и приманку взять, и не попасться. Да, наверняка, есть. Вот Александр

уж точно таков. Как и отец. Тот тоже мог на минутку пригреть, приласкать, а после надолго забыть, в упор не видеть, будто нет у него дочери вовсе. Вот и ждала, когда же снова даст тепло и ласку. Но – редко, редко. А потом и этого не стало. Вообще его не стало.

Рита вдруг, словно подстёгнутая, рванула вперёд, догнала Александра и прижалась к его спине, обхватив плечи руками.

Потерпев несколько секунд, Александр мягко снял её руки и, подойдя к машине, открыл заднюю дверцу.

– Ты точно хочешь проводить меня до вокзала? – уточнил он. – Тогда садись назад. Ехать долго.

Захлопывая за Ритой дверцу, что-то досадливо буркнул. Риту кольнуло уловленное имя – Феофанов.

Опять хотел к нему? Каждый раз обязательно к нему! А сейчас злится, что не получается, не успевает – провозились в парке, да? И теперь недоволен. Рядом не посадил, назад спроводил. Но на что ему этот Феофанов?

– Что тебя так к нему тянет? – продолжила вслух Рита.

Александр оторвал взгляд от дороги.

– К кому?

– К Феофанову.

Александр снова упёр взгляд в дорогу.

– Он не похож на других.

– И чем же это? – колко попросила уточнить Рита.

Через зеркальце над ветровым стеклом Александр бросил на неё взгляд.

– Ему ничего не боишься говорить.

– А мне?

– Вот это твоё «а мне» и мешает.

Долго ехали молча. Потом, приняв смиренность, Рита вкрадчиво – то один вопрос про Феофанова, то другой. Вокзал прервал её расспросы.

На платформе у поезда Александр прикоснулся каким-то похоронным поцелуем к Ритиному лбу и сразу ушёл в свой вагон. Когда поезд дёрнулся и покатил в Питер, Риты на платформе не было. Она уже отправилась домой, подстегиваемая тем, что услышала от Александра о Феофанове.

Пережёвывая проглоченные сведения, она никак не могла найти объяснения, почему Александр так стремится к Феофанову, что за такая зависимость, а, может, – неужели! – любовь у него к нему. Мало ли, что этот Иван – бывший питерец, что

когда-то он играл на гитаре в одной группе с отцом Александра. Даже необычная его специальность – астрофизик, и то, что он её бросил и живёт теперь под Москвой в доме своей умершей тётки, не убеждают, что этому человеку действительно ничего не страшно говорить. И остаётся совершенно неясным, какие на самом деле у Александра с ним отношения.

На следующий день, сразу после работы Рита решительно отправилась к этому человеку, Ивану Феофанову. Добраться к нему – никаких трудностей. Он, оказалось, живёт в том же месте, что и она, только на окраине, за рекой, где еще горбятся деревянные дома.

Река у этой окраины делает длинную излучину, охватывая её с трех сторон. Обширная речная пойма почти вся заболочена. От самой реки осталась лишь узкая, переливчато тёмная полоса. Дальний берег – высок и обрывист. По его песчаному склону пестрят языки помоек.

На этом конце города Рита когда-то бывала с отцом. Водил её купаться, прихватив с собой очередную свою пассию. Но Рита могла этот довесок в виде женщины не замечать, главное ощущение – отец рядом, и река ласково обнимает тело.

Теперь жалкое зрелище эта река. Но Рита смотрела поверх неё, на дальний берег, до которого по собственной воле пошла через весь город пешком. Желание взглянуть на места детства – это лишь так, попутно, по дороге к человеку, увидеть которого было сейчас важнее всего.

Нужная Рите улица оказалась от реки первой. Шла по верхнему краю высокого берега. Тротуара не было. Рита двинулась по обочине.

И снова под ногами песок. Перемешанный с дорожной пылью. Он мельче и сыпучей, чем у заброшенного парка. Легко проникает в туфли. Приходится снимать и вытряхивать.

Улица вдруг резко падает вниз, будто проваливается, и затем, сделав отворот от реки, идёт низом вдоль уступа, наверху которого – один только дом. После него – кустарниковая пустошь.

За штакетным забором вверх к дому – крутая, почти отвесная лестница. Нижняя её ступень примыкает к калитке. На калитке номер 37. Вот это место, где живёт Феофанов.

Открыв калитку, Рита пристально посмотрела, куда ей предстояло подняться. Да тут надо быть скалолазом, чтобы одолеть такую крутизну! Ступеньки узкие, ненадёжные, гвозди проржавели, шляпки их повылазили.

Рита поставила ногу на первую ступень и попробовала её. Шатается. Рита на неё шагнула. И тут же на следующую, быстро, как по тонкому льду. Перила хлипкие, пятки свешиваются, промежутки между ступенями с полметра. Какого чёрта держать такую лестницу! Рита сердито и резко сделала следующий шаг. Нога соскользнула. Рита вцепилась в перила и ожглась о её зубрины. Отдернула руки и... неудержимо поползла на животе вниз. Чтобы удержаться, она схватилась за верхнюю ступеньку и упёрлась ногой в нижнюю. Та затрещала и развалилась. Ритина нога повисла в воздухе. На какое-то мгновение Рита застыла, затем подтянулась на руках к верхней ступени. Перехватив руки, – на следующую. Осторожно развернулась и осторожно присела на, похоже, надёжную ступень.

Нарочно на эту лестницу послали? Другого хода нет? Испытать хотели. Или чтобы вообще не добралась. Да на фиг сдался этот Феофанов!

Опасливо приседая на каждую ступеньку, Рита сползла вниз и вышла за калитку. Ладони пылали, голова тоже. Болела ушибленная щиколотка, а одна штанина оказалась на коленке порванной. Рита с ненавистью посмотрела на лестницу и погрозила ей кулаком. По мобильнику набрала номер Феофанова.

Вот как! Адрес по этой улице, а вход с другой. Нет, Александр не предупредил, дал только адрес. Нет, сегодня встретиться уже не получится. Как-нибудь другой раз.

Но ещё неизвестно, появится ли вновь решимость увидеть этого человека. Сейчас всё, улетучилась. Никакого желания видеть его нет. Пусть сидит себе там, наверху своей хитрой лестницы и морочит Александра, если тому так хочется. Не ревновать же его к Феофанову! Всё, надо переключиться на что-нибудь другое. На что-нибудь, но только не связанное с людьми.

И тут как раз то, что надо – потрясающей мощи закат. Смотри не хочу трагедию умирающего солнца. Древняя, как мир, игра в смерть и грядущее воскрешение.

Эту трагедию Рита досмотрела до конца. И, когда, пройдя мост, вошла в кварталы многоэтажек, небо уже полностью потемнело.

Пройдёт не так уж много времени, и небо снова озарится. Солнце воскреснет и будет снова изливать на землю свою благодать. Будет и никаких гвоздей! Это божество никогда не подведёт и не предаст. Если и оставляет в темноте, то ровно настолько, насколько и светит. Оно всеильно и справедливо. Всем воздает в должной мере. Мы – его дети. Будем же образом

его и подобием. Будем давать друг другу свет и тепло, как наше божество – Солнце.

– Подобный взгляд может, конечно, быть косвенным признаком психического расстройства. Но необязательно. В данном случае это скорее потребность в позитивном образе нашего мира. Молодёжи он особенно необходим.

– Что ты несёшь! Какой тут позитив! Мракобесие это. Парню двадцать лет, учится в МГУ, а в голове такая хрень. Это надо же не лениться встречать рассвет да ещё босиком! Их там целая кодла собирается. Ходят за руки, водят хороводы. Это же с ума сойти, чем занимаются.

– Игра это. Пройдёт.

– Пройдёт? А что после таких игр с их мышлением будет?

– Другие игры начнутся.

– Какие ещё игры?

– Какие-нибудь, обычные.

– Ну да, бильярд, карты.... Да не корчь ты такую физиономию. Знаю я, о чём ты. Примитив и упрощение эта ваша теория игр. Взрослые, по-настоящему взрослые люди заняты серьёзными делами, а не играют в них. Поиграл бы я за хирургическим столом! Взрослеть надо, мужать, а не тетешкаться со своими неврозами. Вот раньше ты работал как профессиональный психиатр с действительно больными людьми. А теперь в своей психологической консультации возишься с теми, кто не взял на себя труд повзрослеть.

– Ух, ты! Как ты надвое разложил. А ведь по-настоящему – беру твоё слово – по-настоящему в каждом такая своя мешанина. Даже в тебе. И окриком – «А ну действуй по-взрослому, по-мужски!» тут не поможешь.

– Ну и продолжай потакать, тетешкаться: «тю-тю, митю-тю, разберём ваши игры и как нам в них выиграть».

– При чём тут игры! Мое дело совсем в другом.

– Да занимайся, чем хочешь! Я тебе не советчик.

– Нет, ты все-таки послушай! Со всей твоей любимой серьёзностью хочу, чтобы ты знал, чем я на самом деле занимаюсь, чтоб ты не выдумывал какие-то свои предвзятые представления. Так вот, моя задача помочь человеку выстроить внутреннюю, психологическую иерархию, разобраться, что необходимо поднять вверх, закрепить в своём сознании, а что крепко задрать на самом дне. Человек сейчас совершенно взбаламучен и оттого психологически неустойчив.

Разговор шёл в башне – шестигранной надстройке над вторым этажом тёмного бревенчатого строения посреди старого участка, обширного и лесистого. Ассиметричное, с лепившимися к основному срубам террасками, эркерами, нишами и балкончиками, в резном, витиеватом уборе, строение это было под стать разнообразию форм и линий окружавших его деревьев, кустарников и трав. Похоже было, что замысловатое пространство дома уже не менее ста лет давало пристанище попадавшим в него существам.

Двое из них, наговорившись, начали спускаться с башни по наружной винтовой лестнице. Некогда она, видимо, была ещё и ажурным украшением задней глухой стены. В нынешнем же своём состоянии лестница внушала опасения за двигавшихся по ней людей. Сыпавшиеся по ней шаги заставляли ступени глухо и тяжело скрипеть.

На этот скрип последовал тонкий стон ивового плетения садового кресла, в котором повернулась в сторону лестницы крупная пожилая женщина. Плетение прутьев издало повторный скрип, женщина вернулась в исходное положение. В тени старой шатровой ели матово светилась густая седина её коротко стриженных, чуть вьющихся волос. У ног женщины чутко лежал пёс. Четырёхглазый. Над парой влажных темнокарих выпуклостей другая пара выделялась ярко жёлтыми шерстинками на надбровных дугах.

Не поворачивая орлиный профиль в сторону приблизившихся к ней мужчин, женщина, уставив взгляд на газон, где зыбко играла граница света и тени, произнесла:

– Твоя жена, Игорь, поехала за питерской Фаиной. Даже эта пятая вода на киселе сочла необходимым быть сегодня здесь. Но не твои дети!

Приподняв подбородок, она повернула голову, из глубины глазниц сверкнула тёмным взглядом на одного из мужчин.

– Почему они не хотят сюда приезжать? – потребовала она ответа.

– Мама, не надо накручивать! – последовал отклик. – Почему не хотят? Хотят, но не могут. У них полно дел.

– Не надо их защищать. Меня бы так защищал! – Слова сдержанно вдавливались в воздух. – Они должны были быть здесь. Сегодня особый день. Я ведь права, Вадим? – обратилась она к спутнику сына.

Коренастый, широколицый мужчина, с удручённым видом глядевший себе под ноги, вдруг с непонятным смыслом пока-

чал головой и по-медвежьи, вразвалочку приблизился к креслу и взял запястье выжидательно обращённой к нему женщины.

– Таисия Андреевна, у вас учащённый пульс, – отметил он, опуская её руку. – Вот на это надо обращать внимание и принимать соответствующие меры.

– У меня всегда такой! – Женщина поднялась, заявляя вообще, всему вокруг: – Хочется мира, а выходят одни стычки.

Она направилась от своего кресла к дорожке. Пёс последовал за ней.

– Мама! Нельзя же так!

Таисия Андреевна, не останавливаясь, передёрнула плечами.

– Ладно, как хочешь, – примирительно отпустил сын и тотчас добавил вслед уходящей матери: – А другая твоя внучка, Рита? Она приедет?

Рита! Должна появиться. Связующие нити втягивают в происходящее. Можно было бы их оборвать или из них вывернуться, но тогда – безымянность, молчание. Немота.

Таисия Андреевна ничего на вопрос сына не ответила. Чуть ссутулившись, начала подниматься по ступенькам террасы, дугами рам и резьбой подзоров отмеченной. Слегка осевшая на одну сторону, с облетающим растительным орнаментом терраса эта, как и весь дом, всё ещё достойно тянула своё существование.

Игорь прокашлялся и тыльной стороной ладони вытер глаза. Вадим, стоя, как и Игорь, лицом к дому, любопытствовал:

– Давно хотел тебя спросить: когда дом этот был построен?

– Точно не знаю. Кажется, перед войной.

– Надо же! Не думал, что тогда ещё так строили.

– Да не перед второй! Перед первой. Прадед, говорят, угрожал на этот дом всё царское вознаграждение за свои исследования северных окраин империи. Дом этот он обожал. Так, во всяком случае, принято считать в нашей семье. А вот сын его, мой дед Андрей, этот дом терпеть не мог. Считал безвкусицей. Сам был известный архитектор, убежденный конструктивист. По нему архитектура должна упорядочивать пространство, а тут – полный хаос форм. С ним солидарен и мой отец, его ученик. А мне этот дом кажется занятым. Почему бы такому и не быть. Я к нему даже, наверное, привязан. В детстве любил по его закуткам плутать, представлял себе, что забрёл в дремучий лес, где не знаешь, что тебя ждёт – ужас или чудеса.

Сняв очки, Игорь окинул дом прищуренным взглядом и добавил:

– Подозреваю, что прадед мой был язычником, недаром ведь он родом пермяк. Из них христианство крепкую связь с природой так и не вытравило.

Игорь засунул руки в карманы брюк и повёл плечами очень похоже на то, как это делала его мать, уходя в дом.

– Да, вот так! Есть во мне пермяцкая кровь! – Он горделиво обвел взглядом свой сад. – Считаю – угро-финская.

– Надо же! – ухмыльнулся Вадим. – Ну а во мне – татарская. И что?

– Она во всех есть! – отмахнулся Игорь.

– Хорошо, что не во всех угро-финская, – оскалился Вадим. – От неё – заторможенность и склонность к пьянству.

– Зато не пакостят землю и не агрессивны. А твои татары..... От них в нас одна беда и только.

– Так это от татар наши беды?! – хохотком поперхнулся Вадим. – Да от них у нас хоть какое-то чувство локтя и чуток досталось дерзновенности.

– Дерзновенности? – саркастически хмыкнул Игорь. – Хватать и не пущать – такой дерзновенности?

– А кто не топтал и не хватал? Твои угро-фины что ли?

– Они-то? В очень малой степени.

– Темперамент не тот.

– Ну да, куда им до татар! Только вот что скажи, Вадим Улюкаев: зачем же ты из своего казанского ханства в Москву перебрался? Плохо, что ли, среди своих татар было?

Вадим вскинул поражённый взгляд на Игоря.

– Ты что? В своем уме?

– Я-то в своем. Я-то у себя! – вдруг вырвалось зло у Игоря.

– Ну знаешь! Какого чёрта! – рассвирепел Вадим и, пыхтя, круто отошёл от Игоря. – Я, пожалуй, лучше поеду.

– Да ладно тебе! Я ж это так!

– Что – «так»? – Вадим резко обернулся, и свирепость сползла с его лица.

Игорь в растерянности моргал и виновато улыбался. Потом развел перед Вадимом руками. Да, действительно, что тут скажешь. Совсем недавно там, в башне рассуждал, как надо держать свою говенную бездну внутри крепко задраенной, а тут, надо же, прямо-таки распахнул её.

– Не знаю, что на меня нашло. – Игорь шагнул к Вадиму и притянул его к себе. – Но ты тоже хорош. Ладно, прости.

Сдержанно булькнув, Вадим поддался в руках Игоря. Затихли. Тут Игорь через плечо припавшего к нему друга заметил

идущую к ним Риту. Шла она, как всегда слегка скованно, но радостно ему улыбалась.

До чего мила! Сдержанно, ненавязчиво мила. Повезло с племянницей. И хорошо, что племянница. Можно такую ладненькую, тоненькую обнять и без зазрения совести покрепче к себе прижать. А Вадим уже готов, успокоился. Можно его отпустить и теперь взять Риту.

Рита не сопротивлялась, лишь рассыпалась мелкими смешками. Но пора было и Риту из рук выпускать.

И тут оказалось, что вслед за Ритой по саду шёл еще некто. В добротном светло-сером костюме спортивного покроя. Было этому некто лет около пятидесяти. Шёл он с расстановкой, оглядывая всё окрест себя. Поймав на себе взгляд Игоря, направился к нему. Назвался Валерием Леонидовичем Налимовым. Прибыл из Перми. Таисия Андреевна дала согласие, чтобы он сюда сегодня приехал. И приезжий снова окинул странно оценивающим взглядом окружающую местность.

Такая манера разглядывать чужое хозяйство была мало приятной. Игорь скорым шагом направился в дом позвать мать. Раз она этого пермяка пригласила, пусть теперь им занимается. Надо прихватить с собой Вадима, а то вдруг опять обидится и уедет.

Приезжий проводил взглядом Игоря, удалявшегося в обнимку с Вадимом, и обратился к Рите.

– А без вас я бы точно тут заплутал. Хорошо, что вы мне попались.

– А вы меня подвезли. Так что мне тоже повезло.

Приезжий кивнул и, отойдя от Риты, встал лицом к дому, склонив набок свою крупную, бобриком постриженную голову.

Теперь он был виден в полной мере, с головы до пят, и весь с головы до пят давал знать, что он-то среди обволакивающей это место зыбкости и увядания – крепок и надёжен. И он может.... Только не начинай! Нет, почему же – вот такой как раз и может без срывов давать заботу и защиту. Если к нему прилепиться, то можно и выплыть к устойчивому берегу. Надо только за что-нибудь в нём уцепиться.

– Значит, ваш земляк строил этот дом? – окликнула Рита Налимова.

Тот оглянулся и, подержав на Рите цепкий взгляд, к ней приблизился.

– Да. Петр Николаевич Окунев. Но строил, конечно, не он один. Тут их целая артель из наших краёв работала. Но проект,

уверен, его. И украшательства на доме его. Он вообще был прославленный мастер резьбы по дереву. Знаете, такой наш особый пермьяцкий стиль. Так что художества тут – его рук дело. Его работы даже в Америке есть. Вот так! Купили! – наставительно оповестил Риту Налимов. – Вот и вы заполучили плод его труда. Но пользуетесь им из рук вон плохо. Того гляди дом развалится. Не впрок ему, что вы здесь живёте.

Ожгло это. Рита поёжилась. Обвиняет? Стало грустно. Привычно грустно.

– Такой дом трудно содержать, – проямлила она и, слегка сгорбившись, отошла.

У дальнего забора цвели поздние георгины. Неизменно под закат лета сигналият всеми цветами радуги, что ещё не конец, что под финал остались у растительной жизни силы и краски. Сигналият они тут об этом со времени основания дома. Теперь особый за ними присмотр ведёт Таисия Андреевна. Неизменно под зиму выкапывает их растопыренные, как пальцы, корни, хранит в подвале и каждую весну высаживает на закрепленное за ними место. Цветение их похоже на ежегодный ритуал, прекратить который смерти подобно. Исчезнут эти дико пышные цветы – исчезнет и жизнь в этом доме. Что и высказывает почти серьёзно Таисия Андреевна, заставляя сына Игоря каждую весну вскапывать для них землю.

Укрепившись духом подле георгинов, Рита оглянулась на приезжего. Оставленный в одиночестве, он нисколько не озадачен, не смущён. Самостоятельно ходит, осматривая дом.

А внутри дома мать и сын выясняют отношение к его появлению.

– Не надо было вот так запросто, по одному звонку приглашать его сюда.

– В чём дело? Что тебе не нравится?

– Скользкий тип. Ты бы видела, как нехорошо он разглядывал наш дом.

Таисия Андреевна снисходительно покривилась.

– Что значит – «нехорошо»? Не понимаю, – с давящей терпеливостью спросила она.

– Не хорошо и всё!

– Но ты же можешь объяснить. Ты же психоаналитик. Вот и дай своё объяснение, а то я не понимаю. Ты вроде как меня предупреждаешь? – Таисия Андреевна бросила взгляд на отстраненно сидевшего в углу Вадима. – Но о чём?

– Не понимаешь? – Игорь тоже взглянул на Вадима.

За стеклянной трапецией окна, около которого стоял Игорь, беспорядочно закружили, точно чёрные хлопья пепла, вспуганные вороны. Игорь дёрнул в их сторону головой.

– Поясню. – Игорь весь подобрался, как перед броском. – У него явно какой-то свой особый интерес к нашему дому. Он словно бы к нему приценивается. Да, Вадим?

Тот промолчал.

– Надеюсь, мама, ты не собираешься продавать этому пермяку наш дом?

– Ах, вот в чём дело! – Таисия Андреевна с довольным видом села на стул у обеденного стола. – И с каких это пор тебя стало волновать, что будет с домом?

– Уж во всяком случае продавать его сейчас совсем не время, тем более этому Налимову. И вообще – зачем?

– А кто, кроме меня, занимается этим домом? Я еще как-то пытаюсь его подлатать, тяну на это деньги из твоего отца, хотя он-то открыто его не любит и не бывает тут. А ты? Завесил окна в башне мазней своих пациентов...

– Это не мазня, а мандалы – важный элемент моей работы! – перебил он мать.

– Все равно, что это! Рамы в башне надо чинить, а ты их просто закрыл бумагой. Этим ограничилось твое участие. А то, что дом требует колоссального ремонта – это тебе неважно. Твои дети здесь почти не бывают. Вот они как раз были бы рады от него избавиться!

– Не выдумывай!

– Я? Выдумываю? – Таисия Андреевна сделала движение в сторону Вадима за поддержкой, но остановилась и, с гордой горечью вскинув голову, смолкла.

Выглядела мать утомлённой. Старенькая она, большое у неё сердце. Сильно изношено – комментарий Вадима после консультации в его больнице.

– Ладно, не будем, – буркнул Игорь. Подошёл к матери и погладил её по плечу.

Таисия Андреевна похлопала по его гладящей руке.

В столовой с низким, разделённым резными балками потолком потемнело. Наползла с юго-западного края иссиня-чёрная туча.

– Поди, Игорь, убери кресла из сада, – попросила Таисия Андреевна. – И пригласи Валерия Леонидовича в дом. И чтобы ты знал: он приехал из Перми по делам своего бизнеса, а сюда заехал, чтобы просто взглянуть на дом. Его строил его земляк,

может, даже родственник. Там у себя они им очень гордятся. Вот так!

Налимова Игорь в саду не нашел. Ну и к лучшему. Видеть его – мало приятного. Может, и уехал. А тучу пронесло, так что ничего из сада убирать не надо. Можно самому посидеть в кресле под елью.

Выйдя из дома, Таисия Андреевна там его и увидела. Вместе с Ритой. Он что-то у неё напористо выпрашивал. Но Рита как будто не очень его понимала. Растерянно улыбалась и пожимала плечами. Заторможенная она какая-то. Пора бы ей замуж. Может, тогда оживится.

Таисия Андреевна легко вздохнула и пошла искать пропавшего куда-то Налимова.

Он обнаружился на лестнице в башню. Уже успел преодолеть два из трёх её пролётов.

– Валерий Леонидович? Ради бога, осторожнее! А лучше спускайтесь. Там небезопасно.

– Вижу. Но наверху у вас ведь жилое помещение? – Он глядел на окна, закрытые бумагой.

– Спускайтесь! Потом с моим сыном туда подниметесь. Там его хозяйство. Но ничего интересного внутри нет. Лучше смотреть издали. Вот отсюда волшебный вид.

Оказавшись лицом к лицу, Таисия Андреевна и Налимов молча друг на друга уставились, скрадывая улыбками обоюдное острое любопытство.

Эта дамочка – так определить Таисию Андреевну мог именно Налимов. – эта дамочка – хитрая штучка: сейчас для неё главное – выставить свою участливость, а на деле будет покусывать, проверять на вкус, что за фрукт перед ней.

Да ладно вам, Налимов! Думаете, так уж верно умеете разбираться в людях. Хотя, судя по костюму, вам удаётся в своём далёком пермяцком крае кое-чего добиваться. Но здесь, в Москве – осторожнее! Какие бы тут у вас ни были планы, наверняка заработаете щелбаны по вашему гордяцкому носу. Так что на успех не очень рассчитывайте.

Таисия Андреевна вела Налимова под руку на террасу пить чай. Обедать будут позже, часов в шесть, когда все соберутся. Сегодня юбилей. 150 лет со дня рождения Арсения Петровича Сазонова.

– Да, того самого, моего деда, – подтвердила Таисия Андреевна. – Так что приехали вы на редкость вовремя. Арсений Петрович и для вас не совсем посторонний человек. Ведь это

он первым открыл талант вашего земляка. Ездил с этнографической экспедицией в ваш пермский край и оттуда привёз сюда Петра Окунева. Привлёк к нему внимание. Кто только не приезжал смотреть наш дом! А вы знали, что Арсений Петрович помог вашему земляку поступить в удожественное училище?

– Только ведь он ушёл оттуда, – отрывисто вставил Налимов. – Не захотел там учиться. И славу себе заработал не здесь, а у себя на родине. Его работы, между прочим, есть в Америке.

– Что вы говорите! Как необычно.

– Я привёз книжку. Наши краеведы сделали. Там всё о нём написано. И фотографии.

– Обязательно покажите.

– Ах, ты! Я ведь кейс оставил в машине. Сейчас принесу.

– Сидите, сидите. Успеется. Я вам верю

– Что значит – верите? – неожиданно вскинулся Налимов. – На веру брать это, знаете, от нежелания знать!

– Ну что вы так! Мы же с вами пьём сейчас чай! – заворковала Таисия Андреевна. – Я очень хочу всё знать про вашего Окунева. Что вы так разволновались?

– Да спокоен я! – буркнул Валерий Леонидович.

– Ну и хорошо. Берите печенье.

Валерий Леонидович тяжело, двумя руками взял чашку. Опомнившись, быстро поставил её обратно и взялся двумя пальцами за тонкую чайную ручку. Окинул террасу тоскливым взглядом и произнёс:

– Он прожил здесь пять лет.

– Кто?

– Петр Окунев. Я тоже намереваюсь перебраться в Москву. В скором времени.

Нахмурившуюся Таисию Андреевну слегка передёрнуло.

– Зачем? Разве в ваших родных краях так плохо?

– Нет, не так плохо. Но надо быть там, куда сходятся все нити. Хотя, честно говоря, Москву не люблю. Спесивый город. Всё на себя тянет. Вот потому-то, – Валерий Леонидович презрительно хмыкнул, – и надо стать в Москве своим человеком. Буду сюда перебираться и точка. – Налимов повёл головой, расслабляя шею. – А сын пусть там, в Перми, остаётся. Отсюда помогать ему буду. Что ж, спасибо за чай. Пора ехать.

– Как же так! – вскинулась Таисия Андреевна. – Мы же собираемся отмечать юбилей Арсения Петровича! Вы, что, не хотите почтить память, извините за старомодное слово, – благодетеля

вашего Петра Окунева? Да и какие могут быть дела в воскресенье, не понимаю. Дом осмотрели и теперь убегаете?

– Я ещё приеду.

– Да? Как-то всё это странно.

– Не беспокойтесь, ваши интересы будут учтены.

– Какие мои интересы? – ошеломила Таисия Андреевна. – О чём вы?

– Обсудим, – с ласковой мужественностью заверил её Налимов. – А теперь, простите, должен ехать.

Валерий Леонидович расторопно расцеловал ослабевшие вдруг руки Таисии Андреевны и двинулся к выходу. Таисия Андреевна последовала за ним. Спустившись с террасы, Налимов приостановился.

– Вот, что я хотел ещё у вас спросить: Арсений Петрович похоронен на местном кладбище?

– Да. А что? – насторожилась Таисия Андреевна.

– Дело вот в чём. Место захоронения Петра Окунева не установлено. Но есть сведения, что в конце жизни он мог приехать сюда и скончаться здесь. Но это только предположение.

– И что? – Таисия Андреевна опять напряглась.

– Не могло быть так, что и Пётр Окунев похоронен на местном кладбище?

– Странное предположение. Не думаю.

– Я бы хотел посмотреть могилу Арсения Петровича, если вы не против.

– Почему – против? Пожалуйста, – сухо согласилась Таисия Андреевна.

Машина Налимова была лаково черна и массивна. Он мешковато в неё впрыгнул и мгновенно рванул с места. Исчез. Но он возникнет снова. Обязательно. Не таков это тип, чтобы только однажды из чистого любопытства где-то появиться и на этом всё закончить.

Таисия Андреевна, поджав губы, медленно шла от калитки к дому. Правильно заметил Игорь: есть в этом Налимове что-то неприятное, какая-то скрытая пакостность. Но чем этот пермяк может тут напакостить? Да и зачем ему это? Таисия Андреевна передёрнула плечами. Как бы хотелось, чтобы все знали своё место. Но мало кто признает, где его место. Так и рвутся занять какое-нибудь другое и обижаются, думая о себе невесть что. А насколько было бы благополучнее, если б каждый мог осознать и принять себя таким, каков он есть. Но нет – воображение и гордыня уводят! К Феофанову бы всех!

Да, Иван Феофанов! На своем уступе, в светлом своём многоконном..., нет, не доме – обители, потому что он не живёт там, как все, а обитает, выслушивая всё и примиряя со всем, пока снова раздражение не взбунтуется.

– Хожу к нему, – повторяет всегда в разговорах об этом человеке Таисия Андреевна, – как иные ходят в баню. Ухожу от него легкой и освеженной. Почему? Потому что ему можно без опаски обо всём сказать. И он терпеливо и ласково слушает. Слушает и слышит, а не так что – мимо ушей. По делу переспросит или каким-то словом наведёт, как дальше сказать. Но часто ходить к нему совершенно не нужно. Это ведь не курс психотерапии, как у моего Игоря.

Обычно о Феофанове слушают недоверчиво. Но не те, кто его знает! Таисия Андреевна нервно втянула воздух и обхватила руками широкие свои предплечья. Жирка на них почти нет. Только сухожилия и минимальное количество мышц. Таисия Андреевна несколько раз сморгнула и обвела цепким взглядом свой участок.

Под шатровой елью Игорь с Вадимом играли в шахматы. Сентябрьский вечер был ярок и тих. Незамутнённый купол высоко вздымался над всем владением. Партия в шахматы складывалась в пользу Игоря. Таисия Андреевна одобрительно хлопала сына по спине. Оставшееся обращённым к доске лицо его улыбочиво расслабилось. И был сделан ошибочный ход. Последующие дело не поправили.

Стоя над сыном, Таисия Андреевна вдруг заявила:

– Надо будет на днях съездить на кладбище. Я была там вчера, но не успела всё сделать.

– На кладбище? – переспросил Игорь и положил короля на доску. Партия закончена.

– Налимов уехал, – сообщила Таисия Андреевна.

– Ну и слава богу!

– Ужин через час. Надеюсь, все соберутся вовремя.

За столом собралось семь человек. Убрав лишние приборы, Таисия Андреевна, наконец, с торжественным видом всех оглядела.

Сестра Ксения подслеповато всматривалась: что на столе. Удивительно, как в её дряхлом сердце всё ещё удерживается яростное неприятие деда, выдающегося деда, Арсения Петровича. Зато бывшего с ним в контрах отца по-прежнему со слезами обожает, хотя и того тоже давно уже нет в живых. Пора бы

ей эти свои бурные страсти похоронить. Боится, что ли, вместе с ними похоронить и себя.

– Когда ты, наконец, сменишь очки? – проворчала ей Таисия Андреевна, видя, как она тыкает вилкой мимо оставшегося на тарелке куска ветчины.

Ксения подняла на Таисию жидко голубоватые глаза и, собрав в них всю силу, твёрдым шёпотом попросила:

– Не груби! Положи мне сама.

Тут стал слышен не в меру громкий голос Игоря, перегнувшегося через жену Инну к Вадиму.

– Да! Я помогаю своим клиентам не выворачиванием их наизнанку, как это делает традиционный психоанализ, а заталкиванием всех их чертей осознанно подальше внутрь. Создаю у них положительный образ себя. Нет ничего бесполезнее, чем...

– Игорь! Прошу тебя! – прервала его Таисия Андреевна.

Но тот досадливо отмахнулся и продолжал глаголить Вадиму:

– Психически устойчивый человек еще может без особого вреда в себе копаться. Только таких здоровых людей раз два и обчёлся. Так что не надо психически неустойчивому человечеству лезть в свои внутренние дебри, выросшие за всё время эволюции.

– Правильно! – несколько осоловело, сквозь пережёвывание пирожка поддержала его Ксения Андреевна.

– Нет, это уже просто невозможно! – проскрежетала её сестра, Таисия.

– Всё, молчу! – Вадим откинулся на спинку стула.

– Самое надёжное все-таки медикаментозная помощь! – не удержался Вадим.

– Ну ты-то! – простонала Таисия Андреевна.

Последовало то же обещание – молчать.

А что на другой стороне стола? Таисия Андреевна направила туда тревожный взгляд. Тоже не очень благополучно. Рита и Фаина продолжают напряжённо игнорировать друг друга. Что за кошка пробежала между ними? Вроде уже давно примирились с существованием друг друга и стали даже как будто дружны. А тут вдруг – что? Может, Александр? Но Фаина сама с ним Риту познакомила. Хотя далеко не сразу после того, как Рита стала к ней в Питер ездить. До этого не решалась. Что-то её останавливало свести этих двух приходившихся ей с разных сторон племянников. Ладно, потом... Пора сейчас напомнить, зачем всех здесь собрала.

Таисия Андреевна поднялась с бокалом в руке, но тут в коридоре раздался радостно визгливый лай Оша. Кто-то пришёл, кому пёс рад.

В комнате появился Александр Бекетов. С высоты своего прямого, как столбец, тела петербургский пришелец оваял комнату прохладным голубоватым взглядом. Какая спокойная свежесть от него! У Таисии Андреевны появился лёгкий румянец на щеках.

Не предполагалось, что Александр приедет. Фаина была уверена, что он в Петербурге. Его приход, как первый снег: только было темно, а тут глянь – всё бело и светло. И тихая тонкая прохлада.

– Так только кажется, – прошептала про себя Рита. Когда расставались на вокзале, такую выпустил из себя колкость, что не смогли обняться. В вагон ушёл сумрачным, будто на перроне осталась не она, а кто-то ему досаждавший.

Таисия усадила Александра рядом с собой, оттеснив Ксению. Той было всё равно. Она даже оживилась, оказавшись ближе к племяннику Игорю, так здорово разозлившему Таисию.

– Какими судьбами? – Таисия Андреевна протянула Александру тарелку с пирожками.

– Надо было побывать у одного человека. Как раз тут недалеко. Вот решил заехать и к вам. Фаина говорила, что вы сегодня все здесь соберётесь.

Какие изумительные у Александра зубы! Так бы и расцеловала его! Хорош, хорош. Питерская порода. Элегантен, ровен, сдержан. Но не обманешь! Есть, есть в тебе, Александр, магма внутри и ещё какая! Однако бездна задраена. Вот кто Игорю подходящий пример, как надо держать своих демонов крепко захлопнутыми внутри. Но как не испытать! Нет, конечно, только на какой-то момент! Но какой потрясающий! Взрыв освобождения – это ничем не восполнишь. Но можно наименее опасным способом делать – в постели. А потом – хлоп и снова себя задраить, не вникая, что и почему. Партнёр только должен быть подходящий. И ведь был такой! Интересно, каков Александр, когда даёт себе волю с женщинами. С Ритой? Вряд ли.

– Мама! Ты вроде собиралась сказать тост! – воззвал к матери Игорь.

Ах, да! Все ждут. Надо что-то сказать. Нет, не что-то, а самое сейчас важное!

И пошла речь Таисии Андреевны. Из её слов начала складываться своя реальность. Там по ходу дела рождается в далёком

лесистом крае её дед, Арсений Петрович Сазонов. Наделяется небывалыми по силе упорством и талантом. И становится он профессором Московского университета. А перед войной 1914 года закладывает этот необычный дом, после чего в начале 20-х годов создаёт новое направление в этнографии, объединяющее в единое целое биологию, религиоведение и географию.

– Знаю я, почему она всё это затеяла, – шепнула Ксения непроницаемо прекрасному Александру. – Внуки её мечтают этот дом снести. А она против. Вот внуки и не приехали. Только Рита. Но той всё равно.

– Жаль, – откликнулся Александр и окинул взглядом комнату.

Массивный светильник под потолком держит в своих литых ветвях и листьях колокольца плафонов. В одном из них лампочка перегорела. Неяркая светимость остальных создаёт мгlistость вокруг сидевших за столом, и они видятся изменённо и неясно. Рита вроде как вытянулась и похудела, лицо её покрывает коричневатая бледность, а глаза углубились и, глядя на него, влажно мерцают. Кивком дал понять, что рад её видеть. Губы у неё шевельнулись, то ли в обращенной к нему улыбке, то ли в ответ на сказавшей ей что-то Фаине.

А вот Фаина открыто, но непонятно зачем погрозила Александру пальцем и перевела взгляд на Игоря. Как он, старший мужчина в доме, относится к происходящему? Странное семейство. Отношения в нём неустойчивы и зыбки. Вот Игорь, можно сказать, силком вытолкнул мать на тост, а сам явно её не слушает. Отрешённо уставился в стену и мыслями где-то в другом месте.

Под речь матери Игорь погрузился в растительные дебри, широкими полосами вырезанные по краям деревянных панелей, покрывавших стены. Ушёл в эти дебри, как в детстве. И оттуда обрывками речь, идущая вроде из прадедовских времен. О дремучем-дремучем лесе. А в том лесу – дремучий-дремучий дом. Живут в доме два брата. Привычно им в этом доме и укромно. Теперь одному брату вдруг опостылело в нём жить. Ушёл он. Тому, кто остался, стало одиноко. Отправился он искать своего брата. Бродит, бродит, а брат его всё куда-то убегает, не хочет с ним встречаться. Вроде того, что боится, как бы его снова не утянули обратно в дремучий дом. Получается так: один всё ищет, а другой всё убегает. Тем временем дремучий их дом рушится, а другого нет. Один ведь брат всё ищет, а другой всё убегает. Теперь встречает тот, кто ищет, мудреца. И тот

ему говорит: сделай свой дремучий дом светлым и приветным, тогда, глядишь, твой брат и вернётся. Но тому не досуг: надо ведь искать. Отмахнулся он от мудреца и пустился дальше за братцем. А тот всё убегает. Так до сих пор один ищет, а другой бегаёт. На том, вроде, и сказке конец.

– Ты чего? В какую мандалу уставился? – Вадим со стуком отодвинул опустевший рядом с Игорем стул и сел, приобняв друга. Тот осоловело огляделся. Стол был пуст. Сидевшие за ним разошлись и были заняты отдельными своими делами.

Вдруг все одновременно вздрогнули и оборотились к окну. За ним с нарастанием – вой и гул. Скрип и стоны деревьев. Посвист и визг вихревых масс.

– Да это настоящий ураган! – пронеслось по комнате.

Бешеным напором воздушные массы расчищали себе дорогу с юго-запада на северо-восток, сотрясая всё, что попадалось на пути. Обитатели дома отступили во внутреннюю комнату. В ней не было окон, и воздух оставался неподвижен. Завывания и свист доходили сюда намного слабее. И всё же они были громче, чем постукивания пальцев Фаины по стойке витиеватой этажерки, чем мерный шум шагов взад вперед ходившего у стены Вадима, чем голос Игоря, называвшего вслух открываемую карту пасьянса на маленьком столике у дивана, где порывисто и редко вздыхала сидевшая рядом с сыном Таисия Андреевна. Александр Бекетов тоже порой вздыхал, прислонившись к стенке шкафа и глядя на ногти правой руки. Вдруг он перевёл взгляд на Риту. Она была не в пример другим совершенно неподвижна. Как длинный мотылёк, сложив на груди руки, замерла в глубине кожаного кресла. Его дряхлая массивность создавала волшебный укром погрузившемуся в него телу.

Нет, Рита все-таки восприимчивей и чувствительней, чем казалась. Буря действует на неё сильнее, чем на других. Бывает резка и грубовата, но это от своей уязвимости. Рита, Рита, мотылёк длинноногий с тонкими крылышками...

Александр двинулся к ней. У её кресла замедлил шаг, примериваясь, и, наконец, опустился на подлокотник. Положил руку на спинку кресла и склонился к Рите, говоря: «Скоро кончится. Ничего страшного». Рита качнулась к возвышавшемуся над ней Александру, но зажатость её не отпустила.

Фаиныны глаза сузились, рассматривая пару в кресле. Между ними ток. Наэлектризованность. Вот так должно быть на сцене. Стоишь на расстоянии с партнёром, а всё пространство между – под напряжением. Тогда у публики возникнет ответный

трепет. Не явленностью, не эмоциональной открытостью действовать, а внутренним накалом, от которого к партнеру – ощущаемая нутром дуга! Но мало у кого достаточно для этого внутренней энергетики. А если она и есть... – тут Фаина горделиво дёрнула головой – ... то разве дадут её должным образом проявить в нынешних спектаклях.

К скопившимся в комнате вздохам Фаина присоединила и свой. Обвела комнату взглядом и направилась к воде в бутылке на столике подле кресла, где сидели Рита и Александр. Мелкими частыми глотками она пила минералку, усмехаясь собачьему вою урагана. В стенах дома ураган снаружи представлялся нереальным. Треск и свист его слышались звуками фильма, крутимого где-то за пределами комнаты. Иногда внутри мог вдруг защемить ужас, но всё равно нереально это, совершенно нереально.

Бросив мимоходом Рите и Александру свою, способную охватить полный зал улыбку, Фаина прошла обратно к стулу у противоположной стены.

– До прихода сюда ты был у Феофанова, да? – приглушённо скрипнул голос Риты, и следом – обидчиво режущий взгляд на Александра.

Лучше бы молчала. Мотылёк превратился в гусеницу. Александр поднялся с подлокотника и хотел было просто отойти от Риты, но она схватила его за руку и потянула обратно.

– Кто он тебе? – на сдавленном вскрике вырвалось у Риты. – Что за человек, в конце концов, этот Феофанов?

– Феофанов? – уловила сидевшая рядом на диване Таисия Андреевна. – О! Это большой мастер. Не удивляюсь, что Александр к нему из Питера ездит.

– Мастер? – проваливающимся голосом переспросила Рита. – Мастер чего?

– Мастер общения. Это просто эйфория с ним общаться! – воодушевлённо пояснила Таисия Андреевна. – Так ведь, Александр? За этим к нему и ходят. И он всегда готов принять. Мне даже жаль его. Затратное это дело – с людьми общаться да ещё так, как он. Вот у Игоря в его консультации за это большие деньги платят.

– Психопатическая личность этот ваш Феофанов, – неприязненно откликнулся Игорь. – Ненормальный интерес к чужой жизни – вот, что у него.

– Нет, дорогой мой сын, – человеческий интерес. А вот у вас – коммерческий, – категорически определила Таисия Анд-

реевна и достала из ящика серванта пачку свечей. – Свет на-
верняка отключат.

И действительно, не успела она расставить свечи, как
лампочки погасли. От зажигалки Игоря вспыхнули фитильки.
Огненные язычки затрепетали, хотя не то, что ни ветерка не
ощущалось, а даже некоторая спёртость воздуха была в ком-
нате.

– Такая буря и без всякого предупреждения! Как всегда у
нас, – устало отметила из темного угла Инна, жена Игоря.

Вдруг что-то с тяжёлым стуком загрохотало, скатываясь по
крыше. Через пару секунд прыгающий по верху грохот повто-
рился. И снова ничего не слышно. Только ставший уже привыч-
ным вой и свист урагана. Все ещё немного прислушивались, а
затем успокоились. Не идти же в темень под ветром смотреть,
что случилось. Может, ничего страшного. Ну грохнулось что-то,
но стены-то целы.

Игорь всё же поднялся и подошёл к открытому проёму в сто-
ловую. Оттуда видны широкие окна на противоположной сто-
роне. За ними просматривалась наружная территория. По ней
неистово мелькали какие-то неясные массы. Но ведь долго так
продолжаться не может. Игорь повернул обратно и, поколебав-
шись, направился к жене. Встав около неё, заверил в простран-
ство поверх её головы:

– Скоро это должно кончиться.

– А терраса-то трещит! – каркнула Ксения Андреевна. – Вот-
вот тоже развалится.

– Почему – тоже? – встrepенулась Таисия Андреевна.

Теперь уже она подошла к проёму в столовую. За окном раз-
растался голубовато-стального цвета просвет. Проступавшие
на его фоне вершины деревьев стали заметно замедлять свое
раскачивание.

– Стихает, – сообщила она, возвращаясь к собравшимся.

И действительно, наружный вой перешёл на глухие вздохи.
Вскоре в саду тихо зашуршало.

Сквозь темноту падали тихие хлопья снега. Все собрались
подле окна. Снег летел мирно и мерно.

– Растает! – махнул рукой Вадим. – Но грязи много будет. А
вот нам перед отъездом неплохо было бы чайку. – И с наигран-
ной деловитостью похлопал себя по животу.

Какой-то шорох в коридоре. Похоже, прошаркали чьи-то
шаги к лестнице на второй этаж. Таисия Андреевна напряжённо
вслушалась. Ош отрывисто поскуливал. Надо пойти проверить.

Таисия Андреевна вернулась нахмуренной. Сообщила, что приехала внучка Лиза с другом. Не хотят показываться: страшно испачкались и промокли. А чайник вот-вот вскипит. Кто хочет, берёт чашки.

За столом утомлёнными периодами зашелестел разговор. За окном верх и низ сшивал снег. На столе с тихим потрескиванием светились огоньки свечей.

И тут снова в коридоре – короткий шум и лай Оша. Следом раздался голос влетающего в комнату Налимова.

– Видели? Башню снесло!

Неожиданность его появление и вспыхнувший тут же электрический свет не дали как следует расслышать его сообщение, и первое, что последовало, был вопрос:

– А вы здесь откуда?

– Оттуда, оттуда, из Москвы. Да вы выйдите, посмотрите!

Собравшиеся кучкой перед домом глядели наверх. Сквозь черноту ночи белые лепестки снега осыпали оскалившийся остов башни. Деревяшки и осколки её лежали припорошённые снегом на земле. Рассмотреть их не было никакой возможности. Отложили до утра.

II

Утро наступило ясное и сквозящее. Выходили в побелевший сад, глядя на остро голубое, в резных облачках небо. Потом различили на земле под снежной порошей обломки. Следом взгляд перешёл на уже виденное ночью – остатки башни над вторым этажом. Тёмными зубьями они вонзались в небо.

Инна поднялась обратно на террасу. Остальные начали собирать, что отвалилось во время бури. Двигались скованно, за исключением Налимова. Этот Валерий Леонидович деловито шустрил, будто происходило нечто его вдохновляющее.

Собрав, что осталось от бумажных мандал, Игорь уехал, прихватив с собой жену Инну, нахохлено простоявшую всё это время на террасе. Рита с отрешённым видом бродила среди обломков. Временами подбирала какую-нибудь деревяшку и относила в общую кучу. Туда, к этой куче, проворно сновал со своей ношей Валерий Леонидович. Его энергичность моментами взбадривала Таисию Андреевну, и она начинала действовать активнее. Но потом вдруг замирала, глядя на Налимова с наплывающей и опадающей неприязнью. Рухнула башня, потеряна часть дома, а он носится так, будто только того и ждал.

– Валерий Леонидович! – не выдержав, позвала его Таисия Андреевна.

– Можно просто – Валерий! – живо откликнулся он.

– Поезжайте. Без вас управимся.

– Ничего! Мне надо быть в Москве ближе к вечеру. Так что я еще могу здесь поработать.

От Налимовского энтузиазма просто коробило.

– Всё, хватит. Пошли в дом, – скомандовала Таисия Андреевна. – Рита, оставь сапоги у двери.

Рита кивнула, а потом оглянулась на затоптанный снег и ещё более темные, чем снег, обломки досок. Дом изуродован ураганом, река испоганена людьми. Вот так и идёт.

– Тут, как говорится, баш на баш, – отозвался Налимов на какое-то замечание Таисии Андреевны. – Но башню надо обязательно восстановить. Это вполне реально.

– Не реально. Никто теперь так строить не может.

– А вот на счет этого у меня есть серьёзные возражения. – Налимов заботливо взял под руку Таисию Андреевну, идя вместе с ней в дом. – И у меня есть к вам предложение.

– А вот этого не надо! – открывая входную дверь, отрезала Таисия Андреевна и первая вошла в дом.

Массивные доски стола на кухне испещрены письменами древодоев. Завитки, зигзаги, загогулины из конца в конец. Поверх них – бамбуковые салфетки. На салфетках – кружки с кофе. За кружками – двое юных чему-то в разговоре отрывисто похохатывают. При вошедших примолкли, но всё же, когда переглядывались, фыркали от смеха.

– Ну хоть кому-то весело, – скупно улыбнулась Таисия Андреевна. – Дайте теперь и нам перекусить. Но ты, Лиза, по-моему, ещё не умывалась. У тебя шея в чем-то испачкана. Похоже на сажу.

Худенькая, коротко стриженная девица дёрнулась со стула. Подскочив к раковине, плеснула на шею пригоршню воды и остервенело потерла. Вернувшись к столу, толкнула в бок своего парня. Тот, метнув взгляд на вошедших, буркнул:

– Да всё в порядке.

Налимов обошёл стол и сел рядом с Лизой. Смерил её медленным внимательным взглядом и обратился к Таисии Андреевне:

– Знаете, я заметил кое-что странное. Доски кое-где были почерневшими, будто...

– А вы кто? – наскочила на него Лиза.

– Я? Валерий Леонидович Налимов. Из Перми.

– А здесь вам что нужно?

– Лизавета! – цыкнула на неё Таисия Андреевна. – Валерий Леонидович приехал посмотреть наш дом, который строил его родственник.

– Не совсем родственник, – уточнил Налимов, – но из тех же краёв, что и я. Наша знаменитость. У нас в Перми скоро будет его музей.

– Музей? – Лиза изобразила тупое изумление. – Зачем?

– Затем, что Петр Окунев, – раздувая ноздри, отдельно выговорил Налимов, – выдающийся в своём деле мастер. Художник. А вот вам это невдомёк. У вас тут в Москве все его работы похерили. Только вот этот ваш дом и сохранился. Да и то в плачевном состоянии.

– Видишь, ба! – обрадовано сунулась Лиза к Таисии Андреевне. – Твой гость тоже считает, что этот дом – развалина и его пора сносить

– Не говорил я этого! – прогремел Налимов. – Я говорю, что этот дом.... Нет другого такого дома. И его надо сберечь!.

– Зачем? Зачем его беречь? – Лиза повторяла вопрос Налимову как глупому. – Зачем? Жуть, дремучесть и гниль – вот что такое этот дом! Знаете, как его называет мой дед? А он понимает, он профессиональный архитектор. Так вот он называет этот дом чудо-юдо. Мыслить надо совершенно другими формами и не цепляться за милые сердцу уродства. Тем более, если это уже разваливается. Но говори с вами, не говори – бесполезно. Пошли, Матвей!

Лиза потянула спутника за рукав, и тот проворно потащился за ней в чьих-то сваливающихся шлепанцах.

Как это унижительно! И что этот приезжий может подумать? А, плевать. Нет, не плевать! Надо дать ему понять, что всё здесь вовсе не так.

Таисия Андреевна уравнивала дыхание и уставилась на приезжего любезнейшим взглядом.

– Лиза тут наговорила невесть что. На самом же деле нашей семье этот дом безмерно дорог. Всем! А «чудо-юдо» – это так, просто смешное прозвище. Надо ведь уметь и над тем, что дорого, посмеяться. Вот мои внуки и придумали....

Таисия Андреевна приостановилась. Стоп. Не все этому пермяку надо выкладывать. Что у него на уме неизвестно. А! Вот сейчас можно кое-что проверить!

– Кстати, у дома есть еще и другое прозвище. Даже скорее название. Оно указано в завещании деда. – Горт.

– Как? – удивился Налимов. – Грот?

– Нет. Именно – Горт. Что же вы! Это же ваше пермяцкое слово.

– А! Горт. Как же! – не сдавался Налимов. – Слыхал.

– И что же это слово значит?

Налимов набычился, вроде как задумавшись, а потом отмахнулся:

– А бог его знает!

– И дом, и гроб.

– И дом, и гроб, – повторил Налимов и затем обрадовано воскликнул. – Так это ж наверняка выдумка Петра Окунева! Он был охоч до таких словечек.

– Мой дед и без вашего Окунева знал это пермяцкое слово. Много изучал ваши края и прекрасно их знал.

– Многие изучали, толку что, – проворчал Налимов.

– Может, для вас никакого, а для науки – большой, – назидательно выговорила Таисия Андреевна и вдруг с наигранной зловещностью добавила: – Когда Арсений Петрович умер, то по завещанию его череп был похоронен в подвале этого дома.

– Череп вашего деда под этим домом? – поперхнулся Налимов.

– Ничего страшного. Всё остальное на кладбище. Дед был по своему складу язычник и дом свой назвал по язычески – Горт.

– Понятно. Горт и череп в подвале.

Досадливо хмуря брови, Налимов похлопал по столу и прошёлся по кухне, глядя себе под ноги. Скрипели расшатанные половицы. Приблизившись к Таисии Андреевне, тихо и внятно выговорил:

– Смотрите, как бы ваша внучка этот дом вместе с черепом не спалила!

Таисия Андреевна отпрянула и со стуком двинула стул.

– Да вы в своем уме! Неслыханно....

Налимов повёл головой.

– Да уж так. Простите. Само собой вырвалось. – И отошёл.

Он двинулся в обход стола и оказался около толстостенного, до потолка мебельного сооружения. Обширный, резной, сформированный в буфет деревянный массив застопорил его движение. Налимов застыл, зачарованно оглаживая сооружение взглядом.

– Хорош! – провозгласил он. – А вот вашим внукам, – Налимов живо обернулся к Таисии Андреевне, – этот... шкаф наверняка не по нутру. Уверен, они его терпеть не могут.

– С чего вы взяли? – возмутилась Таисия Андреевна. – В детстве они обожали в нём играть. И он в прекрасном состоянии.

– Он-то, может, и да! – Налимов снова повернулся к буфету. – Отлично сработан. Сразу видно – Окуневская работа. У меня в коллекции есть ларь. Похожая резьба. Очень им дорожу. А вот вашим, – Налимов крутанулся к Таисии Андреевне, – такая мебель явно не по вкусу.

– Кому здесь что по вкусу – не ваше дело!

– Не совсем...

– Нет, совсем! Знаете что, Валерий Леонидович, поезжайте! – Таисия Андреевна направилась к двери. – Я потом за вами запру.

Лиза нагнала Налимова, когда он спускался с террасы. За руку потянула поскорее отойти от дома и, прикрывая рот накинутым на голову шарфом, быстро прошептала:

– Не говорите никому, если что-то там заметили. – Она кивнула на кучу собранных остатков башни. – Это получилось почти случайно. Из-за бури не было света, и мы разожгли там совсем небольшой костерок. На каком-то куске железа. И в нём оказались отверстия, а мы не заметили. Оттуда пошло. Ещё и ветер из щелей. Как полыхнуло. Пришлось ломать. Я сюда больше не приеду. Но вы не тяните, действуйте. Я же вижу, что вы задумали. Так что давайте!

Она чмокнула Налимова в щеку и побежала обратно в дом.

По шаткой, в два изгиба лестнице Таисия Андреевна поднялась к себе. Бревенчатая, крутобокая клеть замкнулась закрывшейся дверью. Всё. Толстые стены наглухо окружили со всех сторон. Лишь на восточной стороне – полукруглая прорезь окна, укрепленного дубовым переплетом. Сквозь жёлтые стёкла верхнего ряда тёк на приподнятое лицо медовый свет.

Укромно тут и уютно. Ничего из происходящего за стенами комнаты не слышно. Тихо здесь, убаюкивающе. За что и любишь эту светёлку. Держишься за неё. И плачешься о ней.

Широкая тахта под потёртым персидским ковром – место силы. Ляжешь на её податливую мягкость, закроешь глаза и поплывут, поплывут картинки с холмами, деревьями и полями. Воля и волны причудливых форм и линий понесут, понесут.... А! Кто это под боком? Посмел вторгнуться и просительно приласкался. Что за котёнок?

Таисия Андреевна, не открывая глаз, выпростала руку и нащупала Ритину голову. Погладила и притянула к себе всё её тело.

– Давай поспим. Ночь была тяжёлая, – пробормотала она.

Рита прижалась макушкой в бабушкину подмышку. Запах, мятный и туманящий, младенчески одушевил лицо.

– Вот выслушает меня Феофанов, – шепчет в полусне Таисия Андреевна, – и всё прояснится. Всё ему скажу, всё выложу. Вот ему – всё открою. Он-то воспримет и отпустит.

Смолкла, мерно дыша, охватив всем своим телом Риту.

А той беспокойно. Опять этот Феофанов! Ну почему! Да ладно. Сейчас бабушкино тепло всё для нее одной, для Риты. А Феофанов – вдалеке, неощутим.

Вдруг Таисия Андреевна резко открыла в потолок глаза и рывком приподнялась. Там, в щели между досками, вызревали и падали крупные капли, одна за другой. На выпуклой коричневатости пола жабой вызрела лужа.

Таисия Андреевна опрокинулась на спину. Рита вскочила с тахты, и её шаги быстро застучали вниз по лестнице. Вернулась с пластиковым тазиком и тряпкой. Подтерла лужу и поставила тазик под срывающиеся с потолка капли.

За столом у окна в полной бодрости сидела Таисия Андреевна и что-то столбиком писала на листе бумаги. Спина прямая, голова напряжённо наклонена набок.

– Что-нибудь ещё сделать? – спросила Рита.

– Вот подсчитываю, – не оборачиваясь, сообщила Таисия Андреевна, – сколько у твоего деда просить на ремонт крыши. Подойди!

Рита приблизилась. Таисия Андреевна взяла её за руки и окинула пытливым взглядом. Не обнаружив ничего для себя необходимого, отпустила.

– Тебе надо сделать другую стрижку, – произнесло она. – А теперь иди. Тебе разве на работу не надо?

– Я на полдня отпросилась.

– Зачем?

– Ну, чтобы тут...

– Совершенно лишнее, – перебила её Таисия Андреевна. – Работу ещё потеряешь. А ты ведь одна, содержать тебя некому. Так что дуй на работу.

Рита обидчиво дернулась и выскочила из комнаты.

Бег машины уносил прочь от клубящегося деревьями посёлка. Всё дальше от скособоченного запутанного дома со снесённой башней.

Непринуждённо и твёрдо держит руль Матвей. Спокойно смотрит вперёд на расширяющуюся под колёсами магистраль. Точно знает, куда двигаться. Сейчас в офис на юго-восток. Там своя отлаженная реальность, отличная от того, что делается вокруг. Обеспечено ясностью цели и креативностью сотрудников. Хоть всех их можно пересчитать по пальцам, но когда сложатся в кулак, то могут вдарить, куда надо, по полной. Так что дела идут, скажем так, очень неплохо. Но вперёд с доходами не прём, масштабами особо не выделяемся, тем самым не шибко раздражаем других. Так тихой сапой подобрались к глобальному проекту. Это будет настоящий хит! Такое заколбасим! «ССР»! – Создай Свою Реальность. И будет эта игра круче и подвластней, чем всё, что за пределами «ССР».

Матвей чуть двинул губами в улыбке и оглянулся на сидевших сзади Лизу и Риту.

– О'кей, Рита, и как тебе наш проект «ССР»? Впечатляет?

– Да. Замахнулись.

– Не вижу энтузиазма. Лиза, ты что-то слабо рекрутируешь сотрудницу.

– Я что на пальцах должна объяснять? Приедем, всё ей покажу.

– Можно и на словах, пока едем, – уперев взгляд в дорогу, продолжил Матвей. – В этой игре, Рита, главное – её вариативность. Закладываются модули миров на любой вкус. Хочешь – воюй супероружием. Хочешь – живи мирно на природе с рыбалкой и охотой. Хочешь – строй город или целую планету, а то просто – счастливую семью. Что хочешь! Всё можешь! Сотни вариантов. И фишка в том, что каждый модуль совместим с другим – война с рыбалкой, счастливая семья с жизнью чудовищ. Число создаваемых по воле игрока реальностей – пропасть!

– А не слишком ли сложно для пользователя? – робко усомнилась Рита. – В основном ведь предпочитают что попроще.

– Ого! – Матвей резко оглянулся. – Какой тут вдруг маркетолог объявился. Нет! Операционная система будет работать очень просто. Делать выбор элементарно и быстро. Мы над этим пять лет работаем.

– Но на такой проект нужны огромные деньги, – сопротивлялась Рита.

– Об этом не волнуйся – уверенно откликнулась Лиза. – В наш проект собирается вложиться крупная трансконтинентальная компания Интергейм.

– Вложатся! – убежденно сообщил Матвей.

– И зарплата у тебя будет в разы больше, чем в твоём институте, – заверила Лиза. – Я показала нашим, какой отличный сайт для своего института ты сделала. И сколько они тебе заплатили?

– Это входило в мои обязанности.

– Рита, Рита! – Лиза притянула её к себе. – Какая же ты! Это бабка наша тебя так затюкала. Она это умеет делать. А ведь ты – талант. Умница. Нам такие нужны. Сосредоточенные и с воображением. Никого не слушай! Только меня. И у тебя всё получится.

Лиза легонько нажала ладонью на Ритин затылок, и Ритина голова легла на Лизину грудь. То мгновение, что Рита оставалась в таком положении, всё решило.

– Я хочу быть в вашей команде, – придушенно призналась Рита.

Поцеловав в макушку, Лиза оттолкнула Риту от себя. Но вбранного от Лизы тепла вполне хватило, чтобы доехать до офиса в приподнятом настроении, и Рита прошла с радостно распахнутыми глазами вслед за Лизой и Матвеем через двустворчатую дверь и увидела длинную, похожую на спортивный зал, комнату.

Вся она была разделена перегородками на закутки. Глаза разбегались от разнообразия их наполнявшего. В одном – разбросанные по полу и полкам разноцветные мягкие игрушки. В другом – чёрно-стальной тренажёр и диван. В следующем – зелень комнатных растений на этажерках. А вот – широкая тахта под пёстрым, расстилающимся и по полу ковром. Такой разноразной ошеломлял своей вольностью.

Единственное, что сближало все эти закутки – компьютерное оборудование на полках, на полу, на столиках – повсюду на своих местах.

Лиза с Матвеем ушли в угловой закуток, отгороженный матовыми стеклянными перегородками. И там загудел разговор. Остальной люд в зале занимался каждый своим делом. Большинство работало за компьютерами. Двое бездельничали: один задумчиво брэнчал на гитаре за своим хайтековским столом, другой лежал на тахте, уставившись в потолок.

– Рита! – позвали из-за матовой перегородки.

– Давай твой электронный адрес, – попросил Матвей, когда Рита зашла в стеклянную секцию.

На неё, оторвавшись от клавиатуры, вскинул холодно внимательный взгляд аккуратный, подтянутый юноша.

– Мы сделаем так, – сказал он. – Сначала будете работать из дома. Мы перешлём вам один заказ нашего постоянного клиента. Надо обновить его сайт. Сделайте так, чтобы мы его не потеряли. А потом посмотрим. Думаю, вы уже понимаете, кто и как у нас тут работает.

Риту отпустили. Она миновала на непривычно пружинящих ногах мозаичный, в перегородках, зал, слыша удары мяча, пшыканье водяных струй, треньканье гитары. Закрыв за собой дверь в этот упорядоченный клетками разнобой, донесла до дома звенящую в голове, радостную пустоту. Долго сидела, молча поджав ноги на диване, не замечая хмурые взгляды бабы Ани. Ну да, могла бы эта внучка хоть слово сказать! Всё-таки шесть лет как после гибели своего отца живёт здесь на всём готовом.

Когда бабкины шумы стихли, Риту охватило тряское возбуждение. А что если и правда произошёл счастливый перелом? И пришла нечаянная радость. Попала, наконец, в компанию замечательных людей, где её оценят и полюбят.

Рита кинулась к компьютеру. Лихорадочно открыла присланные для новой работы материалы. И охолонулась. Сникла. С этими скучнейшими текстами и фотографиями надо работать? В этом себя показать? Можно, конечно, что-то накрутить, напридумывать, но всё равно будет провально скучно. Ага, понятно! Они там для себя оставили самое выгодное: будут делать крутую игру «ССР», а на неё хотят свалить обрыдлую им самим работу. И никогда в свою главную игру не пустят. Теперь ясно: вся эта Лизина ласковость была лишь для того, чтобы впрячь в осточертевшую им самим работу. Нет, лучше остаться на прежнем месте, в своем институте. Там уж точно со всеми на равных и даже чуть впереди некоторых. Завтра же от этого заказа откажусь. Пусть сами с ним возятся.

Рита жёстко улыбнулась и выключила компьютер. Сомкнула веки. Застыла. Жалко поморщилась, судорожно сглотнула и пустила слезу. Ну вот, теперь горячая тоска совсем поглотит. Но тут молодое Ритино тело счастливо вспомнило..., нет, не то, что произошло в заброшенном парке – то не могло сейчас освободить от обиды и ревности. Ритиному телу причудилась пещера открывшего ей объятия бабушкиного тела на постели в

комнате старого дома. Было в этой пещере укромно и безопасно. Была в ней ласковость и милость.

Была, была да сплыла. Как потом бабуля оттолкнула! Да это всегда так. Только кто-нибудь пригреет, как тотчас обдаст холодом. Это уже привычно, так что можно уже свыкнуться. Хорошее не длится дольше мимолетности. Свою отдельную греющую тебя реальность можно, конечно, создавать при усилиях воображения и упрямства – мыльные пузыри желаемого, такие радужные, весёлые, игручие – лопающиеся при первом прикосновении. Дурь такая есть.

Рита подошла к тёмному незанавешенному окну. С четвёртого этажа в оба конца улица просматривается недолгим клочковатым тоннелем в густых деревьях и слабом свете уличных фонарей. От мутной этой картинки на глаза начала напозать пелена сонливости. Накрыла с головой. И всё колдовское, раздражавшее днём провалилось без памяти в темноту. И в поселении наукограда прибавилось ещё одно застывшее во сне тело.

Поворот этой спящей стороной к солнцу, и вот оно снова будоражит, подстёгивает – давай! давай! Двигай ногами, руками, головой! Делай то, пятое, десятое. Живей, живей! А вращение своим чередом продолжается. И вот солнечного света, слава богу, убыль. И назойливая его требовательность стихает.

Небо светилось фиолетовым остатком солнечных лучей, когда двое, не торопясь, вошли через калитку в сад. Вровень рыжеватая и темно-русая головы. Несколько шагов рядком, и вдруг на лицах оторопь. Фиалковый фон неба прорезал изуродованный силуэт дома. Не сразу поймёшь, в чём дело. А! Обезбашен дом! Нет на нём башни. Нет вдохновенно упиравшегося в небо шпиля. Первым к дому бросился русоголовый.

– Мама, что случилось?

Инна вытирала на кухне руки.

– А, Илья! Буря, – ответила. – Весь дом трясло. Вот башня и рухнула. Отцовские мандалы разлетелись и, видимо, погибли. И чем же он станет теперь прикрывать бездны у своих пациентов! – кривовато озаботилась Инна Иннокентьевна.

– А как Сазоновский архив? Цел? Он ведь был там.

– Никаких бумаг, кроме отцовских мандал, там не было.

– А где бабушка? Она должна точно знать.

– Таисия Андреевна? Ищет, кого нанять для ремонта крыши. А ты что только ради архива приехал? На Сазоновский юбилей не смог, неделями тебя не видно, а сегодня только по делу? – Инна Иннокентьевна улыбчиво хмыкнула.

– Мы тут с Олегом пробудем до завтра. – Илья потянул друга за собой внутрь кухни. – Садись! – И нажал на его плечо. – Нам надо чего-нибудь поесть.

– А тебя, Олег, – обратилась к нему Инна, – что тут интересует?

– Олег хочет кое-что тут поснимать, – пояснил за него Илья. – Тут на доме полно солярных знаков.

– А! Ну да, отец твой что-то такое говорил про твоё увлечение. Только дом от этих солярных знаков крепче не становится. Может, какой-нибудь ритуал надо провести? Может, подсказешь, Олег?

Олег кинул отчаянный взгляд на Илью. Тот несколько раз мелко махнул рукой, мол, не обращай внимания, и сел за стол.

– Мама, а ты можешь нас просто покормить?

– Отчего же не могу! – Инна оправилась на себе фартук. – Я ведь тут как раз для этого! – Она распахнула дверцу холодильника и начала широким жестом доставать оттуда еду и ставить на стол. – А у меня завтра, между прочим, в галерее открытие выставки. Может, придёте? Вдруг, Игорь, сподобишься в нашу районку статейку написать?

– Мама! – взмолился Илья.

– Молчу, молчу. Разве о таких мелочах ты станешь писать. Вот Арсений Петрович Сазонов – другое дело, да?

– Мама! Ты опять? – яростно взмолился Илья. – Дай отдохнуть! Пошли, Олег, ко мне, – Он приобнял друга и потянул на выход. – Потом поедем.

– Ужин оставлю на столе! – вдогонку им крикнула Инна Иннокентьевна. – Ключи увезу. Завтра Таисия Андреевна за вами закроет.

Инна досадливо отбросила кухонное полотенце. Совсем не так и не о том хотела вести разговор с сыном. Но – не получилось. С другом приехал. Теперь только с кем-то вместе появляется. Сазоновский архив ему понадобился! А для матери даже заметку не хочет написать, сыночек!

Три полутёмных пролёта лестницы, и вот – еле видная дверь в светёлку под самой крышей. Над уютной этой комнаткой крыша снаружи поднимается узким конусом, образуя над фасадом дома вместе с тремя такими же зубцами подобие спины дракона. Или ящера. Голова его – корончатый верх водосточной трубы. Тяжёлый хвост – витой столб на другом углу дома. Вот такая страшная магия снаружи, а внутри под одним из зуб-

цов – тёмно-золотистое, узкое пространство, отданное старшему внуку дома, редко им посещаемое.

В закрытую дверь настойчиво поскребли чьи-то когти. Илья вскочил с тахты и впустил зверя.

Ош, Ош, хороший пёс! Четырёхглазый. Бабушкин любимец. Всё чует жёлтыми шерстинками, помечавшими надбровные дуги.

Пёс по-хозяйски вошёл, обнюхал ноги Олега, свешивающиеся с подлокотника кресла, и улёгся подле тахты, где сидел Илья. Знает своё дело. Сейчас ему надо быть свидетелем того, что происходит в долго пустовавшей светёлке. В ней – золотисто-коричневое преломление света, как и во всей внутренности дома, под стать окрасу пса.

– Что за имя – Ош? – Из глубины кресла Олег с любопытством вглядывался в пса, застывшего в привычной для него позе сфинкса.

– Здесь всех собак звали Ошом. Бабушка говорит: так принято с самого начала, со времён прадеда Арсения Петровича. Сколько уже этих Ошей в саду закопано! На моей памяти штуки три. И вот – очередной Ош! – Игорь почесал пса между ушей. Тот принял ласку, не шелохнувшись. – Думаю, это имя какого-нибудь пермяцкого божка или колдуна. Прадед был из пермяков и, похоже, остался язычником.

– Наш человек был, – одобрительно хмыкнул Олег и окинул взглядом подёрнутую желтоватой дымкой комнату. Предметы в ней были не существенны. Основным, довлеющим в ней была красноватого оттенка древесина стен. – Хорошо у тебя тут. Я бы только здесь и жил. В сад по утрам свободно босиком! Зарядишься, и можно в каменные джунгли.

– Далеко до города, – откликнулся Илья. – Электричкой неудобно, а на машине – пробки. Да и сам дом тяжёлый, то там, то тут что-нибудь разваливается. Теперь вот отцовскую башню снесло. Нет, по мне лучше в городской многоэтажке. Забот меньше. Голове свободнее. А телу? Можно в парке побегать. И не надо босиком. Олег, зачем тебе обязательно босиком? Да ещё в какую рань! Дурость это.

Меряются взглядами. Похожи возрастом, ростом, по-мальчишески стройным сложением, только один – рыжеволос, другой тёмно-рус.

– Почему обязательно босиком, спрашиваешь? Потому что... Это надо чувствовать.

– И ты, конечно, чувствуешь! Тебе, считаешь, дано. А я, по-твоему, ущербный? Нет, это ты, знаешь ли, чокнутый. Да, ладно, в целом ты – нормальный, но... Нет, интересно, что это у вас за восприятие такое? Ведь не притворяетесь же, когда к солнцу руки тянете. Как вы это делаете?

Илья с насмешливой ломкостью поднялся на ноги, выпрямился, вытянул над головой руки и замер. Ош, задрав морду, внимательно смотрел на его сомкнуто направленные вверх пальцы и что-то проурчал.

Смотреть на так стоящего Илью – смущающая радость. Под тонкой футболкой выпукло и мерно, обрисовывая мышцы, вздымается и опадает грудная клетка. И весь он такой, как надо, – сосредоточенный, устремлённый, открытый идущим к нему токам. Схватить его верным жестом вскинутую руку, горячо сжать, припасть к пружинисто вытянутому телу и стать с ним слитно за одно. Но ведь – притворяется он сейчас, пересмешничает. Оттолкнёт. Отвергнет.

Олег опустил глаза.

– Можешь сколько угодно ёрничать, – глухо произнёс он, – всё равно – очевидная сверхсила для нас – это солнце. Никакими издёвками этот факт не замажешь. И сам ты это тоже знаешь, но нет у тебя потребности это своё знание проявлять.

Олег поднял глаза на Илью, взгляд его был отчуждённым.

– А где мне на ночь можно будет лечь?

– Кресло раскладывается. Но могу я на нём спать, а ты здесь, на тахте. Пойду посмотрю, не вернулась ли бабушка. А ты пока посиди здесь, ладно? Ош, пошли!

Ош уже сидел около двери, выжидательно наострив уши. Как только дверь открылась, со сдержанным повизгиванием, он ринулся вниз.

Таисия Андреевна была уже дома. Вернулась, но не из поисков работяг для починки крыши, а из похода к Феофанову.

Движение к нему началось внезапно, с крутого разворота от входа на соседский участок, где работали таджики. Оттуда пошёл сбивчивый, порывистый шаг в обратном направлении. Мимо обезбашенного дома напрямую к станции. Скулы и лоб Таисии Андреевны покрывали горячечные пятна. Видно, в голове стучало: не стану, не буду, не хочу. Пусть валится дом к чертям собачьим. Чудо-юду конец. А череп деда пора в могилу, под крест. А то и там, и сям лежит. Не выйдет! Либо – крест над тобой, либо заковыристый дом – вот так, дед!

Перед носом – окошко кассы. Сигнал в голове – билет. И бросила в низкое отверстие – «До Мытищ». Теперь уже сидит, стиснутая справа и слева, на скамейке, уставя невидящий взгляд на дверь вагона.

Дом деда ветхий стал, умирающий. Так что надежней череп его – под крест. А дом лучше продать, пока он совсем не развалился. Или разобрать и поставить новый? А я тогда куда? А? Что скажите, Иван Феофанов? Куда мне? А он на это скажет: «Надо держаться». А я ему на это: «Зачем?» В нашем доме столько всего наворочено, всяких лесенок, закутков, шпилей и шатров! Как всё это держать в порядке? А он мне скажет: «Помогут». Но я: «Кто?». Каждый ведь своё хочет, своё застолбить на этом месте.

От этого стучания в голове Таисия Андреевна прозевала Мытищи, где пересадка на ветку к Феофанову. Поезд теперь, как назло, нёсся без остановок до Москвы.

Мерно покачивается поезд, отстукивают колёса свой ритм, и ритм этот глушит, гасит волны воплей внутри Таисии Андреевны. Смотрит она в окно, как всё дальше и дальше уносит поезд от места пересадки. Поддавшись ритму движения, покачивается Таисия Андреевна, расслабленно задрёмывает.

Когда поезд дошёл до конца своего пути, Таисия Андреевна выбралась из вагона, пошатываясь, слегка пришибленная. Теперь уже не пуститься снова в путь к Феофанову. Иссяк заряд. Проямлить своё недовольство, свои обиды без всякого воодушевления – бессмысленно. Ведь с Феофановым так – баш на баш: сколько энергии в слова к нему вложишь, столько и в ответ будет. Оттого, наверное, он ещё держится, и способность собеседовать у него не иссякла.

Площадь трёх вокзалов шумела затверженными звуками. Гул не иссякающего по ней движения включал в деловой настрой. А каким делом заняться, только выбравшись из пришибленности движением поезда? Тем, что первым подвернётся под руку. У Таисии Андреевны перед глазами – торговый центр. Вот и надо пойти туда и что-нибудь купить. Ну да – на голову в преддверии зимы.

Илья застал Таисию Андреевну на кухне. Она рассматривала отороченную мехом шляпу. Увидев Илью, надела её на себя с вопросом: «Ну как?».

– Ба, ты где была? – вопрос внука.

– Ош, Ош! – Таисия Андреевна согнула туго поддающуюся поясницу и потрепала по загривку усевшегося у её ног пса. – Вот

он всё знает. Всё чувствует. Недаром – четырёхглазый. У вас таких не будет!

Не будет, так не будет. Если надо, другой появится. Не это важно.

– Ты что за шляпой ходила? А как же крыша?

– Не знаю. Как-нибудь.

– Ба, ты что? Дом и так еле держится. А с дырявой крышей так вообще....

– Вот ты пойдёшь завтра и найди, кого нанять.

– Я? – поразился Илья. – Нет, я не могу. Мне в Москву надо по делам.

– Ну и ладно тогда. Пусть идёт, как идёт.

Таисия Андреевна, что-то насвистывая, сняла шляпу и сунула её в пакет. Помахивая им, двинулась к двери, поводя при этом седой своей головой так, будто слыша какую-то игривую мелодию.

Что это с бабкой? Слегка свихнулась? Этаким мотыльком вознамерилась крылышками над всем – плях-плях! Ничего, сейчас обратно, на землю!

– Если дом развалится, не с дедом же на квартире станешь жить? – вперил Илья вопрос в свою бабулю. – Да и Лиза теперь с ним там живёт, вместо тебя хозяйничает. Дед доволен. Думаешь, уживёшься с ними?

Пакет из рук Таисии Андреевны шлепнулся на стул у двери.

– Буду здесь, – с вызывающей насмешливостью провозгласила она, – вместе с домом разваливаться. Век свой доживать. Ни лечиться не буду, ни дом чинить. Пусть идёт, как идёт. А ты, вообще, что вдруг приехал?

Про свой личный интерес не стоит сейчас говорить. Об этом потом. Сейчас лучше про Олега:

– Вот привез друга дом снимать. Фотографии ему нужны для музея Солнца.

– Для музея, – удовлетворённо, куда-то вдаль произнесла Таисия Андреевна.

И вдруг наскоком удивилась:

– Какой ещё музей Солнца? Откуда?

– Откуда я знаю – откуда! – огрызнулся Илья. И добавил уже другим, небрежным тоном: – Да так, один чудаков в Новосибирске устроил. Вот наш солнцепоклонник и решил свой вклад в этот музей сделать – снимки каких-то соляных знаков на нашем доме.

– Соляных знаков? А! Ну да. На окнах. А ты и не замечал! Волнистые полукружья, лучи с завитками на концах, а на баш-

не перекрещиваются. Вернее, перекрещивались, теперь их нет. Так что Олег опоздал. Ну пусть хоть, что есть, снимет.

И тут Илья вдруг задиристо выпалил:

– А мне нужен Сазоновский архив!

– Ага! Сазоновский! – протрубила Таисия Андреевна. – Опомнися! Дошло, наконец! Понадобился Арсений Петрович! Давно пора о нём писать.

– Да не о нём! – досадливо твякнул Илья. – Тут другая история. В редакции новый проект запускают. Что-то вроде – «Широка страна моя родная, много в ней всяких непонятных народностей». Шучу. На самом деле девиз проекта – «Сила в многообразии». Вот такой идеализм-идиотизм. К тому же мне как практиканту в паре с самым занудным их сотрудником дали наименее выигрышное – территории Предуралья. Это ж тебе не Кавказ. И не Казань. Всякие там мордва, коми, ещё, по-моему, марийцы. Одним словом – этнографический заповедник. Как тут себя проявить? Да и в голове у меня стопорится на одном: не может быть сила в многообразии. Сила – это единая воля, а многообразие – это разнбой. И никакими призывами разнбой силой не сделать. Так ведь, ба? Ладно, не заморачивайся. Сам знаю, что надо писать: про дружбу малых и больших. Вот я и подумал: не найдётся ли в Сазоновском архиве что-то для этого подходящее. Арсений Петрович ведь и сам был из малых, из пермяков, а выбился среди больших в известного ученого и как раз исследовал северные народы Предуралья. Подлажу его идеи под настоящее, наскребу какую-нибудь конкретику и вперёд! Как думаешь, ба, есть у твоего деда, что позаимствовать для такого дела?

Позаимствовать! А юбилей деда проигнорировал. Но вот Арсений Петрович для дела понадобился, так давай бабка его архив! Впрочем, что тут говорить! Здоровый прагматизм.

После полуночи быстрым и цепким наскоком Илья разворочил чемоданный архив Сазонова и вышел из кладовки с обветшалыми экземплярами «Этнографического обозрения» за 1903 год, «Охраны природы» за 1928 и тремя картонными папками. К себе не пошёл: разложенное для Олега кресло перекрывало доступ к столу. Расположился в столовой. При рассеянном свете люстры принялся выуживать из нечётко различимых строк то, что соответствует редакционному заданию. Начал складываться вполне подходящий образ российских угро-финов на северных территориях пока ещё никуда не девшейся империи. Уравновешенные, работающие, верят в силы природы и поклоня-

ются предкам. Чем укрепляют общую массу населения страны. Вполне подходящий тип для девиза «Сила в многообразии».

Остаётся только подобрать какую-нибудь конкретику. Конечно, неделя командировки – смешной срок. Придётся в темпе самому организовывать нужные события. Может, какого-нибудь старика-пермяка подыскать, чтоб он провёл со школьниками экскурсию на природу, и подсказать ему, чтобы он поведал подрастающему поколению о древних знаниях трав, и вообще об экологии, сделал упор на заветный запрет дрязг и распрей, они, мол, портят урожай. Можно еще про очистительную силу леса. Про ремёсла? Нет, про ремёсла уже надоело. Надо попробовать уговорить какого-нибудь нефтяника обещать дать деньги на издание книг на местном языке и устроить встречу в библиотеке. Да, было бы неплохо. А вот ещё что! Наверняка среди местной администрации найдётся заядлый охотник. Обрабатываем его так, чтобы он вспомнил, как ему помогал осваивать местные леса какой-нибудь их Дерсу Узала. В общем, ясно, чем заняться в командировке. Дадим читателю картинку того, как можно обогащаться опытом и знаниями туземных народностей. Отставим за скобками никуда не девшуюся мысль: если хочется процветать на занятой территории, как, к примеру, ангосаксы в Америке, надо иметь силы подмять под себя туземную жизнь, иначе она сама тебя разъест. От этой мысли Сазоновский архив не избавил, хотя, надо признать, написано там всё очень красиво.

Журналы и папки Илья собрал в стопку, и они отправились обратно в кладовку. Спать не хотелось. Разбередило прочитанное у Арсения Петровича. Что в таком случае надо делать? Правильно! На кухню! Там чайник, закипая, мерно и уютно замурлычит, а в холодильнике есть чем поживиться.

Ещё там оказалась Таисия Андреевна. Поставленный ею чайник уже вскипел, и в кружке парился пакетик с ромашкой. Таисия Андреевна, молча, подтолкнула коробочку с лекарственным чаем к вставшему у стола Илье.

Илья держал спину в суровой выпрямленности и, твёрдо глядя на бабу, произнёс:

– Просмотрел Сазоновский архив, и странно стало: как это Арсения Петровича за его угро-финскую агитку тогда не посадили. Уж так он превозносит зырян и пермяков! Такие они у него самостоятельные и развитые, что сомнения возникают, есть ли у них желание жить вместе с пришлыми русскими. И как это Арсений Петрович не пострадал за такие взгляды!

Таисия Андреевна побарабанила пальцами по столу и, вскинув взгляд на внука, вдавила в него:

– Мало ты знаешь! Поинтересовался бы прежде, где был Арсений Петрович, когда открыли угро-финское дело. В Средней Азии был! Уже несколько лет, как в экспедициях там работал. И вернулся, когда это дело было уже закончено.

– Понятно. В Кара-Кумах отсиделся. А к тамошним туземцам особой привязанности не питал. Вот и уцелел.

Илья отошёл к шкафу и, достав пакетик чёрного чая, залил его в кружке водой из вскипячённого бабкой чайника. Таисия Андреевна ловила его движения. Ничего ожидаемого не уловив, с нажимом объявила:

– Хочу этот дом продать.

Сделала паузу. В ответ – молчание. Тогда добавила:

– Уже покупатель есть.

– И кто это?

– Приехал из Перми. Налимов. Очень заинтересовался этим домом. Родственник его строил. Там, у них – знаменитый мастер, художник по дереву. Вот так. Наш дом – его произведение, и Налимов хочет его купить и в него перебраться. Сюда, под Москву.

– Ха! И семью, небось, перетащит. А семья большая. Пермьки на Москву пойдут. А этот чудо-юдо дом будет им как опорный пункт. Смешно. Ба, честное слово, не надо этого делать.

Илья зевнул и, взяв кружку, направился из кухни.

– Он, по крайней мере, дом приведёт а порядок! – пихнула ему в спину Таисия Андреевна.

Илья шутовски покачнулся.

– Уверена?

– У него в Перми строительный бизнес.

– Ну тогда он точно твой дом снесет.

– Этот дом он не снесет. Он его отреставрирует.

Илья вдруг резко развернулся и скольльзящим движением подлетел к Таисии Андреевне, обнял и поцеловал в макушку. Пожелал ей спокойной ночи и ещё – не продавать свой дом пермьяку.

Перебраться в Москву? Есть такая идея у Налимова. Потому-то он и оказался предшествовавшим этой ночи днём в Деловом Центре. Вступил, чуть волнуясь, на территорию собравшихся в могучую кучку небоскребов. Их зубья вытолкнуты из гранита набережной, оскалены в небо. В стеклянных их сте-

нах преломляется голубизна и облачность того, что над ними. А внутри большие и помельче прорывают себе ходы в дебрях делового мира. Продумано, с оглядкой, а то – блефуя или же очертя голову.

Да, пыжится Москва, пыжится, вздохнул Налимов, как бы ей не лопнуть. Вот и надо успеть ухватить у неё кое-что и для себя. Но куда как привычнее, сподручнее вести дела в надёжно сработанном, бревенчатом, в два этажа офисе на берегу Камы. Но что поделаешь – в Москву, чёрт бы её драл, все нити стянуты. Вот и надо хотя бы одну ниточку в свои руки заполучить.

Налимов еще раз набрал номер того, с кем была договорённость о встрече в три. Было уже без четверти четыре. И опять отказ в связи. Телефон то ли отключён, то ли вне зоны.... А, какая разница! Ежу понятно: отказывает земляк в связи. Видимо, чего-то испугался. Может, предвидел просьбу. Так ведь не с пустыми руками к нему! Да Аллах с ним! Налимов криво усмехнулся и поправил ремень сумки на плече. Мотнулся и, приподняв голову, отплыл от места своей стоянки. По лицу заскользил просторный речной ветер, похожий на тот, что веет меж болотистолесистых берегов. Ничего, обойдёмся. Сын, дай бог, прорвётся в Китай. Как намеревается. Туда расширим дело. Прав был сынок, с Москвой не заладится. Но тут есть ещё и другое дело, бросать его нельзя. Погибнет ведь тут Петра Окунева работа, если Сазоновский дом не взять в свои руки. Завтра же надо напрямую поговорить с этой дамочкой, Таисией Андреевной.

Налимов мотнулся снова, и тут его глаза упёрлись в стену, всю в зарослях деревьев и кустарников. Лес. На панелях метров под двадцать. Ага! И тут не смогли обойтись без леса. Хоть и нарисованный, но понадобился. Какой-то хитрой техникой нанесён. Оживляет ландшафт, а то во все стороны – асфальт, бетон да стекло. Хорошая техника. Дорогущая, небось, а, может, и нет. Но нам такая не нужна. У нас и без того вокруг полно леса. Незачем его изображать. Нет, нам подавай что-нибудь этакое, чудесное. Уж если изображать, то как-нибудь по-особому, узорчато. Вот Пётр Окунев как раз был на это мастер. Такую ведь хитрую в Бугрове конструкцию соорудил. И вот начала она разваливаться. Башню снесло. А ведь была эта башня, как холм причудливый, среди ветвистых карнизов. Заберу этот дом, точно заберу. Не по Сеньке шапка этому семейству Окуневский дом.

Налимов нырнул в проход через панельный лес внутрь торгового центра, чуя, что там можно утолить подступивший голод.

В пещерном лабиринте светящихся витрин броском завернул в первую попавшуюся нишу со столиками и баром. Вот в меню – пирожки. Давайте три с мясом. И еще какой-нибудь супчик. Официантка кивнула и оставила Налимова ждать за столиком.

Налимов скользнул взглядом по гладким поверхностям заведения. На его скуластом узком лице оценивающе сузились прорези глаз. Ну, таких забегаюлок теперь всюду пруд пруди, где ни окажись. Налимов стал отключено ждать еду, как вдруг бесцельно блуждавший его взгляд зацепил нечто, лично его касавшееся. Ну да! Вчера на юбилее Арсения Сазонова видел. Примечательная женщина, с вызовом. Сухопаро широкая. Моложавая. Сквозь складчатый балахон проступают пирамидки грудей, а из выреза – нежным столбиком шея. Вроде родственница какая-то Таисии Андреевны, в доме её, похоже, своя. Надо бы с ней.... Как её? Вроде бы – Фаина. А может, не она это?

Тут женщина оглянулась. Острым взором Налимова не смутилась. Приветственно махнула рукой и поплыла твёрдым шагом к его столику, в руках – большая чашка кофе и тарелка с пирожным.

Всматриваясь друг в друга, оба эти персонажа одинаково возбуждённо восклицали: «Вот так встреча!», «Надо же!», «Как это вы тут!». Сталкивались фразами, и тогда влажной дробью сыпались смешки. Несло их друг к другу встречными волнами, сцеплялись взглядами и тёплым тоном незначащего разговора. И тут Фаине вздумалось признаться:

– Знаете, а ведь в Перми похоронен мой прадед.

– Вот это здорово! – радостно отозвался на это Налимов, ещё не зная, до чего это признание доведёт. С грубоватой покровительственностью добавил: – А вы сами, небось, у нас в Перми не бывали. А надо бы! Давайте! Могу всё отлично для вас устроить. Всё в лучшем виде будет!

Дрогнув губами, Фаина откинулась на спинку стула и окинула Налимова отчуждённым взглядом. Ага! Хочет меня заполучить. Ну уж нет. В его пермяцкие руки – ни за что!

– Нет, не хочу в вашу Пермь. Моего прадеда туда из Кракова с семьёй сослали. В холод и грязь. Сама я добровольно в такую глухомань не поеду.

К лицу Налимова мощным толчком прилила кровь.

– А у вас тут что творится! До чего довели замечательный дом нашего мастера! Разруха!

– Я – не из Москвы! – змеисто усмехнулась Фаина. – Я из Питера. Что тут делается, меня не касается. И вообще я скоро уеду в Краков.

– Ну и езжайте! – вспльчиво воскликнул Налимов.

– Конечно, поеду. В вашей Перми мёрзнуть не стану.

– Мёрзнуть! – возмутился Налимов. – Да у нас четыре месяца в году один плюс. А сейчас стало и того больше. Жара стоит. Притом воды кругом много. Красота! Как в Италии.

– Ну уж! Как в Италии! Тоже скажите!

– Ну и скажу! А вообще нам и не за чем на Италию равняться. Мы сами по себе вполне себе...

Поискав глазами официантку, Налимов подал ей знак подойти.

Фаина вытянула из-за стола своё сухое широкое тело. Вежливый кивок Налимову и отбыла. Расплачиваться ей не надо было. За всё она уже заплатила.

Стеклянная дверь была открыта в расцвеченный витринами лабиринт. Фаина на её пороге оглянулась. Налимов убирал бумажник в карман. Ха! Вид у него понурый. Вскинул Налимов взгляд на Фаину. Хе! На лице этой вздорной якобы полячки никакой радости нет. В упор встретились глазами. Слабой вспышкой сожаление, у Фаины – прозрачно карее, как воды Финского залива, у Налимова – серовато-голубое, как низкое небо над Камой. Резко друг от друга отвернулись.

И вот теперь уже движутся по Москве, Фаина в одном направлении, Налимов – в другом. И расстояние между ними всё увеличивается. А как же бывшее между ними притяжение? Было да сплыло. Разошлись. И всё? Ну, хорошо, пусть будет так: когда-нибудь со смутной остротой вдруг вспомнится трепет этого притяжения, и, может, последует какой-нибудь тяжкий вздох.

Тьма октябрьской ночи сгустилась над Москвой. Единой пеленой накрывает и стоящий в отдалении от Москвы дом с рухнувшей башней. Внутри него Илья уже укутывается одеялом в своей постели, Олег ворочается с подогнутыми ногами на разложенном кресле.

А в питерском поезде Фаина туманно смотрит на мелькающие за окном огни.

А в московской гостинице, у себя в номере, Налимов сдержанно млеет под плотным потоком воды из душа.

Когда и в поезде, и в гостинице улеглись спать, Илья вдруг из своей постели выскакивает и – обратно в кладовку. Там вы-

таскивает из чемодана три толстые папки и альбом с фотографиями Саоновских экспедиций, относит к себе и укладывает в объёмистую дорожную сумку, куда засовывает и свой планшет.

На следующий день это громоздкое сумище не даст Олегу, бросившему Илье гневно: «Останови!», выскочить из машины справа на тротуар. Из-за неё, загородившей правую дверцу, Олег ринется наружу слева, на проезжую часть, и будет сбит выехавшим из-за поворота фургоном.

Что же ты так себя подставил, сынок? Отчего, не глядя, выскочил из машины своего друга на дорогу? Не отвечает Олег. Отключился от внешних контактов. В коме. Внутри себя пытается восстановиться после травм. Лицо обескровлено бледное. Отросшая за три дня щетина крапинками затеняет впалые щеки.

Вадим поправил повязку на голове сына. Из-под неё по-детски трогательно выпростаны тонкими зубцами пряди волос. Вадим снова послушал его сердце, приподнял веки, сжал вытянутую вдоль тела руку и сел на стул. Будет ждать, когда придёт невропатолог.

Самого Вадима дожидается у запертой двери его кабинета друг Игорь. Зачем пришёл в больницу? Точно, не повидать пострадавшего. И нечего тут говорить о долге это сделать! Ни перед собой, ни перед Олегом такого долга нет! И вряд ли есть выше. Незачем допытываться, что толкнуло Олега выскочить, не глядя, из машины Ильи. У Олега вообще явно не всё в порядке с его... нет, об этом не стоит говорить, тем более его отцу. Тот и без того невысокого мнения о своём сыне. Солнцепоклонник! Тоже мне, студент МГУ, нашёл, во что играть. Не мог подобрать что-нибудь более продвинутое? А то какие-то языческие пляски-хороводы. Нужна защита от открывшейся бессмыслицы? Пришёл бы в нашу консультацию, помогли бы и, прежде всего, обрести устойчивый иммунитет к неразрешимым вопросам и веру в ценность своей уникальной личности. Эту установку в нашей консультации довольно результативно вырабатывают. Красочности бытия не хватает? Надо рисовать многоцветные мандалы и перед ними медитировать. Нет, не понятно, что сына Илью так сильно к Олегу привязывает. Привычка с детства быть вместе? Нет, она одна не могла бы так долго длить их дружбу. Сын-то мой – весьма рациональный человек, психика железобетонная. Не замечал, чтобы что-то могло его глубоко задеть. А вот Олег – тот колыхнется от любого острого воздействия. Бедняга, так не повезло. Ну ничего, под присмотром отца выкарабкается. Незачем его сейчас видеть. А вот Вадима надо

дождаться. Пусть разговор с ним по телефону не пошёл, а вот с глазу на глаз наверняка получится. Нельзя же, в самом деле, из-за случившегося рвать отношения. К тому же Вадим первоклассный хирург.

В голом, бледно-голубом пространстве коридора язвяще очерчена знакомая фигура, ждущая у двери кабинета. Вадим сделал движение, чтобы повернуть назад, прочь от ожидавшего его Игоря, но тот начал неотвратимо приближаться. В висках отдавались стучащие по полу шаги. Нацелено улыбаясь, Игорь смотрел прямо в лицо. Встречи не избежать. Придётся выслушать. Но в ответ ссохшиеся губы не разлепятся, глотка окаменела. Пусть Игорь говорит сам, что хочет. Наперёд известно что, вина за происшедшее только на самом Олеге. Илья тут ни при чем. Ну пусть так, неважно. Из комы вывести сына – вот и всё, что важно.

Стоял и ждал теперь опять Игорь. Двигался Вадим. Не останавливаясь, мимо протянутой руки, не глядя, бросил: «Прости, спешу, пациент ждёт», и дальше от Игоря. Белая удаляющаяся спина быстро темнеет против солнечного света из окна на другом конце коридора.

– Мне, что, уйти? – не сдержав гневной обиды, выкрикнул Игорь.

Плечи уходящей фигуры приподнялись и опустились. Игорь, сжав кулак, чуть, было, не потряс им вслед. Столько ждал и на тебе! Неужели этому казанскому выходцу невоготу было хоть на пару слов остановиться. Ну как же так, Вадим? Теперь, что, уже не в счёт, что помог Москву к тебе приладить, а тебя – к Москве? Что столько лет, чем могли, делились. Ладно, сын твой в коме, но жизнь-то вокруг идёт. И если бы ты, пусть даже через силу, выдавил бы из себя чуток симпатии, это бы и тебе помогло, и напряжённость сняло бы. А так висит, давит. Ну для чего это надо? И без того проблем полно. Всё же ведь случайно вышло! Илья резко затормозил, Олег, и это показали свидетели, как сумасшедший выскочил из машины, а водитель фургона его не заметил. И что теперь с этим делать? Может, Илью стоит убедить придти сюда? Пусть сам объяснится с Вадимом. Тот ведь не раз говорил, что вот у Ильи правильный взгляд на жизнь, сыну в пример ставил.

Но Илья не придёт. Зачем? Сидеть и смотреть на молчащего в беспамятстве, а тогда, в машине, оравшего в ярости «Останови!»? И разъярился-то из-за чего! Это ж были просто слова, пусть, может, и язвительные, но только лишь слова! Пух. Воз-

дух. А он! Тоже мне нашёл божество – ядерный реактор в небе. Нет, не может же он на самом деле верить во все эти языческие бредни – хороводы, вытянутые руки и прочая ловля энергий. Нет, до чего же уязвим человек – только тронь устроенную им игру, разрушь построенные им кубики, как тут же – крик, шум и ярость! Да, конечно, смысл есть играть увлечённо, но только – не всерьёз. Не всерьёз! Иначе вот так, как с Олегом, получится. Пора мне жениться. Спокойно, нацелено, взвешенно. Пора. На Кате. Она давно ждёт. Олега шафером сделаю. К тому времени он уж точно встанет на ноги. Не будет же он против. В принципе он ведь добряк.

В начале зимы Олег очнулся. Все облегченно вздохнули. Весной сдал госэкзамены. Родные устроили праздник. А двенадцатого июня он поехал в далёкий Аркаим. Раскопанный город Солнца. Место силы. И как оттуда сообщает, отлично проводит время со множеством таких, как он.

III

Глубокая ночь, а тьма так и не наступила. Ярким, малиновым звоном отливают в небе облака. Бродящие то там, то сям толпы людей возбуждены. Пора белых ночей. Будоражит не оставляющий землю свет, на доверчивость настраивает.

Когда солнце, так и не оставив своим светом западную часть небосвода, было на востоке на тридцать градусов выше горизонта, две знакомые фигуры появились на краю Лисьего носа. Стояли, обнявшись, лицом к Финскому заливу. Оба, женское и мужское, были спокойно утомлены. Перед ними простёрта от береговой линии до смыкания с горизонтом балтийская вода – отражает переходы от горячего жёлтого к подсвеченному розовым синему. Вблизи берега вода с прозеленью янтарна.

На усталых щеках горит румянец. То ли возник сейчас под возрастающим потоком солнечного тепла, то ли был поднят к кожному покрову соединившим их ранее, до выхода к заливу, биением крови. Рита сняла руку Александра со своего плеча и, сжав, поднесла к губам. Отпустила. Неловко ступая по каменистому берегу, спустилась к воде.

Взгляд Александра, нежно острый, – на ней. Вот она снимает сандалии, входит заморожено в воду. Склована её прямая узкая спина. Идёт всё дальше вглубь залива, уменьшаясь.

Залив мелкий. Хоть двадцать метров пройди, всё ниже колена будет. Александр прошёлся вдоль бетонной защитной

полосы. Выждал так, на ходу, минут двадцать, а затем крикнул маленькой фигурке, сурком торчащей над играющей с небом водой: «Давай, Рита, выходи!».

Рита сделала ещё несколько шагов от берега и только тогда остановилась и оглянулась. С суши махала оттопыренная от тела, как ветка от ствола, согнутая в запястье и локте рука. Перестав махать, рука опустилась. Теперь Александр обтёсан расстоянием в ровную классическую стелу, неподвижно и независимо ждущую.

Рита отвернулась. Скучно постояла над раскрашенной небом водой, обхватив плечи руками, и двинулась обратно к берегу.

Риту мелко трясло. Долго пробыла в холодной балтийской воде. Александр усадил Риту на корягу и начал, стряхивая песок, растирать её длинные ступни. Неожиданно приподнял её ногу и поцеловал раскрасневшуюся лодыжку. Рита ткнула его ладонью в лоб. Он поднял лицо. Сомкнулись губами – влажно, пронизывающе, горячо – и быстро разомкнулись.

Солнце поднялось на шестьдесят градусов выше горизонта, когда Александр и Рита появились на Лиговке, в квартире Фаины Александровны. Сама Фаина к ним не вышла. В её плотно занавешенной комнате темно. Спит, предположил Александр, после спектакля. Играли «Сон в летнюю ночь» на Елагинском острове под открытым небом.

– Кого она там изображала? – с зевком спросила Рита.

– Ипполиту, жену герцога.

– А! Герцогиню. Это ей подходит. Я тоже валюсь с ног. Глаза просто слипаются. Сейчас прямо тут засну.

Рита свернулась клубком на диване.

– Я пойду? – спросил Александр, накидывая плед на Риту.

Она спряталась под плед с головой. Потом высунула руку и схватила отходящего от неё Александра за брючину.

– Знаешь, что я хочу тебе сказать? Я все-таки была у Феофанова. Если к нему пойдёшь, вход только с лестницы. У другого входа теперь другой хозяин. – Рита завозилась, уютней укрываясь пледом, голос её уходил в сон. – Лестницу Феофанов починил. Ну почему! – с сонной тягучестью простонала Рита. – Ну почему в Москве столько не сохранилось, сколько в Питере?

Рита повернулась на бок, уткнув лицо в спинку дивана. Теперь спит и видит – каналы, двоящие строгость дворцовых фасадов, мосты, приподнимающие северное небо, парки, роскошно играющие с природой. Мелькают виды, кружатся. Гигантская

бальная люстра искрится фейерверком под невидимым потолком.

Александр брёл, брёл, отталкиваясь от залитых солнцем улиц, потом броском нырнул в тёмную подворотню, прошёл через глубокий сырой колодец двора и через пару минут стоял перед разбуженной и готовой его принять женщиной. За её спиной – узкое, полузавешенное окно, выходящее на серую стену без окон.

Солнечно и прохладно в белой узкой кухне на исходе четвёртого часа дня. Высоки выложенные белым кафелем, а в верхней половине побеленные стены – уходят в невиданную, старинную высоту. Коричневая мебель, поднимаясь едва ли на треть высоты стен, нисколько не способна затемнить белизну пространства. Чисто вымытая плита с чёрной решёткой умиляет своей древностью. Здесь чудесно. По-детски распахнутыми глазами Рита смотрит на голубое пламя под чайником. Блаженство. Тетя Фаина в шёлковом кимоношном халате щедро кормит, чем бог послал, как сама шутит, ставя из холодильника на стол всё подряд, что совместить в желудке просто невозможно.

– Ну и какие на сегодня планы? – Глядя в отражающую дверцу буфета, Фаина Александровна поправляет свои медные, мелким бесом вьющиеся волосы. Яркие глаза пытливо резанули Риту и исчезли с поворотом головы обратно к дверце буфета.

Высоко заколот пучок её пружинистых волос. Шея длинным конусом подпирает гордо поставленную голову. Тётя Фаина чарует. Но как же это она забыла!

– Так ведь я сегодня уезжаю. Уже совсем скоро, – тоненько, как бы жалуясь, напомнила Рита.

– Ах, да! – Фаина крутанулась к плите и со стуком поставила снятый с плиты чайник. Металлическая подставка под ним ёрзнула, но устояла. – Так что, как Саша?

– Саша? – не поняла сначала Рита. – А! Александр! – Рита открылась улыбкой. – Мы с ним до четырех часов утра гуляли в Сестрорецке. А до этого...

– Да, я знаю, – перебила её Фаина. И по-актерски поставленным, строгим голосом спросила: – Александр внимателен к тебе? Заботлив? – Не дожидаясь ответа, перешла на другую, насмешливую интонацию. – Ты ведь совершенно не требовательна. А таких Александр не ценит. С ним женщинам надо быть начеку.

– Да? – Рита косо скользнула взглядом по Фаине и опустила голову. Глубокий вдох, и простецким голосом доложила колко

глядящей на неё женщине: – Ваш племянник столько знает! Не то, что я. Весь день до утра водил и рассказывал. У меня голова шла кругом, и ноги просто отваливались. Я к такому непривычная.

Фаина Александровна удовлетворённо кивнула и предложила выпить вина.

– Ну что вы! – замахала Рита руками. – Ещё в поезд не сяду. – И хихикнула. Но это было уже слишком! Рита недовольно дёрнула губами и, вскочив со стула, выдавила: «Спасибо» и ушла к своему чемодану в другой комнате.

Открыла его, взглянула и, сжав веки, захлопнула.

За её спиной возник вкрадчиво ласкающий голос Фаины:

– Соскучилась по дому?

Рита обернулась. Точёное, чуть тронутое морщинами лицо Фаины Александровны подёрнуто вниманием и теплотой.

– Это тебе календарь с видами Петербурга. – Она протянула Рите гляцевый картонный пакет в целлофане. – На следующий год.

Рита положила календарь в чемодан поверх своих вещей.

– Там фотографии моего мужа, – пояснила Фаина. – Ты ведь с ним так ещё и не познакомилась.

– Да, не познакомилась. Он ведь всё время в Комарове, когда я здесь.

– У него там фотостудия.

– Ну и прекрасно.

– А в августе мы с ним едем к родственникам в Краков.

– Замечательно, – тускло отозвалась Рита.

– Послушай! – встрепенулась Фаина Александровна. – А что если и ты с нами? Тебе обязательно надо там побывать.

– Зачем?

Фаина взяла за плечи вяло поддающуюся Риту и повернула к окну.

– Там наши родственники, Яворские, – Она слегка встряхнула Риту. – Ты же ведь тоже на четверть Яворская. А? Что скажешь?

Рита жёстко посмотрела ей в лицо.

– Нет, вряд ли. – И вернулась к своему чемодану.

– Но почему?

– Бабушка и без того огорчается, что я сюда приезжаю.

– Анна Семеновна! Ну сколько можно! Столько лет прошло. Как так можно!

– Наверное, можно, – на ходу, неся чемодан в переднюю, бросила Рита.

– Болезненное это самолюбие – вот, что это! – бросила ей вслед Фаина Александровна.

Рита оглянулась в дверном проёме.

– Вы росли при отце. А моя мама без него. Мамы уже нет, а бабушка всё помнит.

– Но тебе ведь нравится здесь бывать?

– Да. Наверное. Нравится. – Наклон головы вниз глушил и без того слабо выговариваемые слова. – Но я, наверное, не права.

– Глупости! – полетело через опустевший проём двери в переднюю. – Мало ли, что было. Сейчас совсем другое.

– Да уж не совсем другое, – выходя на лестничную клетку, пробормотала Рита.

Северный экспресс оторвался от Питера и понёсся к Москве. Серо-синими рядами текут кресла из конца в конец. Потолок и стены вагона – голубовато-серые. Рита повернула голову набок и закрыла глаза.

Через семь часов Москва. Ещё далеко она. Лежит на холмах под простёганным улицами, взбученным постройками, лоскутным одеялом. Лежит Москва, не дремлет. Только в неё прибудешь, как затянет в возню под своими крышами.

А Питер ещё совсем близко, в каких-то ста километрах, и плотно закрытыми глазами видится гранитным блюдом, уставленным дворцами, прорезанным каналами, опущенным парками на спине невидимой рыбы-кит. Не поднимая век, Рита откинула со лба щекочущую прядку.

Дёрк, стоп, вот и прибытие. С подножки вагонов сваливаются на платформу пассажиры. Жмурятся на открытый, незастеклённый, свет, растекаются по всей ширине платформы. Сбиваются в комки со встречающими. Кучковато, с неровным урчанием движутся из длившейся весь путь неволи на свободу.

Рита катит за собой чемодан, сосредоточенно уставясь в размеренные бруски покрытия – щели между ними разной глубины. И вдруг рывком возникает в тянущей чемодан руке неожиданная лёгкость. Взгляд вверх. Надо же! Дядечка Игорь! Встретил!

И ликованием приподнято тело, вскинута рука и ему – на шею.

– Как это ты вдруг?! – шепчет Рита в ушную раковину, розовато светящуюся на солнце. Завиток хрящика нечаянно задет губой.

Игорь сам покати́л чемодан, а свободной рукой приобнял неустойчивую от возбуждения Риту. Конечно, приятно, что так возрадовалась, но всё-таки немного чересчур. Однако... однако такая горячность в молодом теле почти впритык к твоему разогревает и твою кровь. А как задорно прибивается порывистым шагом лёгкое платье к узким коленям! Возбуждает улыбчивость, хотя, конечно, глуповато всё это.

Игорь перехватил чемодан в другую руку, оторвав её от Ритино́го плеча, и обле́гченно отметил:

– Хорошо выглядишь. – И добавил вопрос: – Как там Александр?

– Саша? Нормально. Хорошо. Много водил по Питеру. А вы тут как?

– Да не очень. Бабушке твоей плохо. – Игорь загрузил чемодан в багажник. – Так что поедем прямо в Бугрово. Таисия срочно хочет тебя видеть.

Ах, вот, значит, почему встретил! Не по своему желанию, а по воле пославшей его бабушки.

– Нет, я хочу домой. Вези меня прямо туда.

– У Таисии очень плохо с сердцем, – строго увещевает Игорь. – Хотели в больницу забрать, но она отказалась. Садись вперёд. По дороге поговорим.

– Я ей зачем? – бурчит Рита. – Ей сейчас специалист нужен, кардиолог. А я прямо с поезда. Нет, давай меня прямо домой. А завтра спокойно после работы приеду к бабушке.

– Ты можешь слушать не себя, а что тебе говорят! Бабушка, можно сказать, при смерти, то и дело отключается, никого не слышит и твердит: «Мне нужно срочно видеть Риту».

– Срочно? Меня? Я же её вечно раздражаю. Знаю: будет, как всегда, меня подкалывать: то во мне не так, то не эдак. Покусывает, и силы, что ли, прибавляются?

Игорь с хмыком втянул в себя воздух.

– Ну, зачем ты так, Рита! Может, бабушка твоя, действительно, любит подкалывать. Но так ведь многие. Обычная уловка. Превентивный способ устрашения. Вполне цивилизованный и широко распространённый. А у тебя просто повышенная на это раздражимость. Аллергия. Надо, Риточка, от этой аллергии избавляться. Нельзя же на всякий укус сыпью идти.

Игорь поправил на переносице тонкие очки и быстрой улыбкой скользнул по Рите. Та в углу сидения держала безучастно неподвижный взгляд на его лице.

Брат отца, а ничего с ним общего. Отец всегда был какой-то взбудораженный, крученный. А вот Игорь – ровный, вон как плавно и ловко ведёт машину. Весь мягко очерчен, пушок на руках светлый. А отец – жгучий, чёрные, как у бабушки, обжигающие глаза. А как задиристо хохотал! Но весёлость его была мимо, для кого-то другого, для бабы его какой-нибудь, но не для нее, не для его дочери.

– Слезы наворачиваются, в груди свербит, верно? – отмечает симптомы Игорь. – Хочется свернуться калачиком и замереть. Но время сейчас не для кисейных барышень, ты слышишь меня, Рита? – Игорь повысил и отвердел голос. – Над своей психикой надо работать, укреплять. Вот если бы твой отец... Ладно, что сейчас об этом говорить!

Выскользнув из угла сидения, Рита села прямо, лицом к дороге.

– Что я хочу сказать, – продолжает Игорь. – Есть разные методики улучшать свою психику. Мы в нашей консультации...

– Да знаю я, – перебила его Рита. – что вы делаете в вашей консультации. – Кодируете бедолаг, как алкоголиков!

Игорь замер. Тряхнув головой, подобрался и с отменной доверительностью произнёс:

– Но все-таки самое главное для нормальной работы психики, дорогая Рита, это уверенность, что тебя любят. И ты, Рита, должна эту уверенность иметь. Больше всех тебя любит Таисия. Вот что надо ощущать, а не какие-то там покусывания. Поверь мне: ты – бабушкина любимица.

– Ха! Ну конечно! – Рита скосила уголки губ вниз и вдавила взгляд в дорогу. – Никто никого не обязан любить. Просто не надо донимать. Просто оставьте в покое.

– Вот ты как! – усмехнулся Игорь. – Хочешь сказать – достали. Ну, ну! Понятно. Отгородиться хочешь, защиту ото всех себе выстроить. Но одиночество, Риточка, – очень уязвимое состояние. Знаешь, в чем твоя проблема? У тебя переизбыток подозрительности и недостаток веры в себя.

– Уж какая есть! – огрызнулась Рита.

– Вот, вот! Типичная ошибка. Или уловка. Но у меня наметанный глаз. Я же вижу. У тебя внутри полный раздрай, качает тебя туда-сюда, как ребёнка от слез к смеху. А надо свою личность структурировать, выстраивать. А не так, как мать-природа намешала.

– Только не надо опять про свою консультацию. Я как-нибудь, но сама по себе.

– Значит – сама по себе. А зачем тогда к Феофанову ходила?

– А ты откуда знаешь?

– Он мне сам говорил.

– Ты с ним встречался?

– Пришлось, Риточка, пришлось. Разговор у меня к нему был. Я его предупредил! – Игорь сделал значительную паузу. – Чтобы он перестал дурить моих близких. Тоже мне мастер общения нашёлся! Да он просто бессовестно раскрепощает, чтобы вы ему всё, до самого дна из себя выложили. И без разбору со всем, что в вас есть, примиряет.

Рита собралась в комок.

– Ничего такого он не делает.

– А чем вы, – Игорь снял руку с руля и приобнял Риту. – с ним тогда занимались?

– Лестницу чинили.

– Что? Лестницу?

– Да.

– Это хорошо, – отрывисто отметил Игорь. – И, что, починили?

– Да.

– Молодцы. Делом, значит, занимались.

– А ты думал! – Рита приосанилась. – Я ему гвозди подавала. С этой лестницы я первый раз чуть не свалилась, такая она была развалина. Теперь в порядке. Хотя Феофанов сомневается: не слишком ли она крута. Не очень удобно прихожанам.

– Кому, кому? – вскинулся Игорь. – Прихожанам? Это он так сказал?

– Ну?

– Да! Именно – прихожанам! Вот, за кого он вас принимает. А себя – за священника. Вы к нему – за отпущением грехов. Вытряхиваете ему всё из себя, а он готов вас со всей этой вашей кучей благословить. И вам облегчение, верно? Сладко ведь, когда тебя с твоими демонами примиряют.

– Господи, что ты несёшь! – оторопела Рита. И вдруг хохотнула: – Да ты ревнуешь! Да! Ты, дядечка, оказывается, ревнуешь!

– Ревную? К нему? Ха! Это уж вообще....

– Ревнуешь, ревнуешь, – пригвоздила его Рита и, фыркнув, отвернулась к боковому окну.

Глаза её и без того широко расставленные, раздвинулись еще больше к вискам. Она прижалась лбом к стеклу. Потянулся её голос глухо и сладкозвучно.

– Когда мы лестницу починили, Феофанов стал по ней подниматься. За собой меня не позвал. Но мне и незачем было за ним лезть. А на последней ступеньке он вдруг ко мне обернулся, приложил руку к сердцу и поклонился.

– Актер! Притворщик! Вас, дурёх, морочит! – процедил сквозь зубы Игорь.

– А мне хорошо тогда было лестницу чинить. Тело работает, а внутри – лёгкость и покой.

Рита перекинула голову к Игорю. Сухощавые кисти его рук с нервной небрежностью держат руль. На правом виске живо пульсирует извилистая жилка. Рита к ней, примериваясь, потянула голову, но вдруг резко отвернулась.

Шуршат шины. За окном проносятся сто раз виденные виды.

Солнце всходит и заходит. Всё идёт своим чередом. Периодически выплеск протуберанцев всяческих страстей. И надо всем этим бесформенным облаком – сознание, что подобное уже переживалось где-то когда-то какой-то частью тебя. И эта дорога, и поздний приезд к бабушке.

Одним, горящим сбоку по фасаду, окном дом смотрел в сад. Над светящимся оком окна темнел морщинистый второй этаж с кокошником набекрень. Полоса света упиралась в широкую дорожку к дому. В месте упора расплывалось большое беловато-жёлтое пятно. В нём остановились Рита и Игорь. Свет был в столовой. Значит, Таисия Андреевна спустилась из своей комнаты вниз. Рита демонстративно ткнула на свидетельствующий свет в окне.

– Может, её в больницу забрали, – парирует Игорь и быстрым шагом взлетает на террасу и – в дом. Там Таисия за обеденным столом раскладывает пасьянс.

Оставшись по своему требованию с Ритой вдвоём, Таисия Андреевна подозвала её к себе и взяла за руки, остро глядя в её раскинутые к вискам глаза. Непонятно, от кого взялись такие у внучки. Разомкнула пальцы и отпустила Ритины руки. Указующий жест на диван в некотором отдалении от стола. Туда не доходил свет торшера, придвинутого к обеденному столу.

– Ну рассказывай! Как там Питер?

– Можно завтра? Я устала. – Рита сдвинулась на край дивана, показывая, что хочет уйти.

– Ты... устала, – прицениваясь к словам, повторила Таисия Андреевна. – Ну конечно! Игорь тебя прямо с поезда притащил сюда. Что он тебе сказал?

– Что ты... при смерти, – не очень внятно выговорила Рита.

– Видишь ли, детка, похоже, моё тело устало носить мою жизнь. Но не так легко от моей жизни избавиться. – Последовала высокая дробь смешков. – Так что видишь, я не лежу в постели, а сижу здесь. Но! Я трезво оцениваю свою ситуацию. Поэтому кое-какие заботы хочу с себя снять. Поэтому позвала тебя. – Таисия Андреевна с въедливой симпатией всмотрелась в сумеречно серевшую в глубине дивана Риту. – Вот как раз сейчас я раздумываю, не привлечь ли тебя к одному важному делу касательно этого дома. Ты – дочь моего старшего сына, и поскольку его нет, то вместо него обращаться я должна к тебе.

Тут раздалось цоканье когтей по полу, и к Рите на колени легла тяжёлая голова Оша. Подвигав двумя желтоглазыми пятнышками на лбу, пес отошёл и снова лёг, как сфинкс, у ног Таисии Андреевны. Она, не сгибаясь, длинной своей рукой потрепала его уши.

– Дом наш, ты знаешь, в каком плачевном состоянии. Башню ещё осенью снесло. Крыша, хоть её и чинили, но еле держится. Требуется сложный ремонт. Игоря после гибели башни тут совершенно ничего не интересует – хоть всё рухни. Дед твой денег давать сюда не хочет. Ты дом этот не критикуешь, как твой дед, но средств у тебя, как и у меня, на него нет. Но надо всё-таки решать, что делать. Такого ведь дома больше нигде нет.

– А я видела под Питером очень похожий, – пискнула Рита.

– Не может там быть такой же! Там – только игра и нарочитость, а здесь.... Здесь – естественность и природность.

Вскинув голову, она отвернулась к окну. Выступил обтянутый сухой кожей орлиный нос.

– Может, кому-то не нравится, что дом наш причудлив, что в нём запутанность коридорчиков и комнат, но мне здесь уютно и привычно. Дед мой строил его не по какому-то там капризу, а по замыслу. И замысел мне этот по душе. Тут, как в самой жизни, – без упрощений, без облегчений. – Таисия Андреевна мотнула головой и, ожесточив голос, спросила: – И вот хотелось бы знать, как тебе самой тут, только честно?

– Если честно, – скучным голосом ответила Рита, – то не очень в нём удобно.

– И ты туда же! – сокрушённо воскликнула Таисия Андреевна. И тотчас отвергла это своё подозрение: – Нет! Ты другая. Ты не зашорена современностью, как остальные мои внуки. Ты ведь понимаешь, да? Понимаешь особенность этого дома. В нём есть особая сила. Твой отец сюда всегда сбегал от своих

жён. А в детстве любил носиться по его закоулкам. Ещё ему нравилось прятаться и пугать. Он и сейчас сюда приходит.

– Кто? Кто приходит? Ба, ты что?

– Да это я так. Но в тебе, я вижу, что-то от этого дома тоже есть. Да! Только ты слишком замкнута. И будто чем-то напугана. Ну чего же ты такая, детка, а? Подойди ко мне. Ты же моя любимица.

Медленно приближаясь, Рита выговорила:

– Но ты же всегда была мною недовольна.

– Не тобой, деточка, не тобой! – Таисия Андреевна прижала к себе Риту, отчего той пришлось неловко согнуться. – А тем, что с твоим отцом случилось. Вот кто этот дом любил! Но твой дед с толку его сбил. Пошёл бы Анатолий по Сазоновской линии, в экспедиции бы ездил, простор бы и причудливость, что душе его было близко, изучал. А так в своей конторе сгинул.

– Ба, давай не будем! И вообще, я устала.

– Да, не будем. Будем думать, что с домом делать. Но об этом завтра. Ты, действительно, устала. Проводи меня наверх.

Свое место в этом доме Рита знала – бывшая комната её отца. Рядом с Игоревой. А над ней мансарда, где маленькие ячейки для следующих – Лизы и Ильи.

Отцовская светёлка – с полукруглым оконцем и высокой деревянной кроватью. Спал на ней Анатолий только один. Когда ложился с женщинами, то были у него другие постели: то тахта в доме первой свекрови, то железная с пружинами, когда женился во второй раз, а потом настоящая чешская двуспальная в собственной квартире.

Рите спалось на этой высокой кровати глубоко и долго. Баюкала чуть пружинящая древесина. Водорослевой свежестью опаживала утягивающая вглубь подушка. И Рита плыла по волнам сновидений до самого позднего утра.

Солнце уже вовсю голосило в небе, когда она проснулась. Попадавшие то в полосу света, то в тень упоительны потягивания и свёртывания, потягивания и свёртывания, разгоняющие кровь до полной бодрости. И уже не улежать в постели. Пружинисто – на ноги. И... И? Вниз на кухню. Потому что хочется есть.

А там ванилью пахнут горячие сырники, и бабушка колышется у плиты в длинном шёлковом халате. На нём колеблются от бабушкиных движений фиолетовые и жёлтые цветы. Давай за стол!

Изгибчиво проскользнув между столом и стулом, Рита усаживается. Бабушка – напротив. Разговор не напрягает. Ласково

овекает простором между фраз: «Как спалось?», «Погода хороша, да?», «Ты кушай, кушай!».

Густой чай обволакивает небо, пышная творожная мягкость тает во рту. Никогда ничего подобного не бывало. Но откуда же тогда в памяти похожее, яркое и заботливое утро и похожая нега и свежесть в теле? Будто такое уже происходило, хотя точно такого не было. И что ещё чудеснее – всё это схоже с наполненной теплом и светом зеленью сада за окном, две створки которого распахнуты настежь, и оттуда в лицо веет лесным духом.

Таисия Андреевна выжидала. Пусть Рита поглубже увязнет в очаровании солнечного утра в этом доме. Когда Рита будет совсем готова к важнейшему в нынешней ситуации разговору, можно будет начать.

Рита подошла к окну и высунулась в сад.

– Жаль, но надо ехать. К трём обещала быть на работе.

– Подожди! – встревожено остановила её Таисия Андреевна. – Мы ведь вчера не договорили. Надо это сделать сейчас. Мне может снова стать плохо. Так что сядь. Это очень важно. Ты помнишь Налимова? Из Перми. Он приезжал сюда прошлой осенью смотреть дом.

– Да, помню. Шустрый мужик. Ты тогда его ловко отвадила.

– Я? Нет, тебе показалось. Напротив, он мне понравился. Крепкий мужчина и толковый. Просто тогда, осенью, мы не совсем друг друга поняли. Теперь он снова здесь. И у него есть вполне определённое предложение насчёт нашего дома.

Таисия Андреевна прошлась по кухне. Встав позади Риты, нажала руками на её плечи.

– Предложение его такое. Он купит наш дом, отреставрирует и устроит в нём музей. А я... Я останусь в нём жить. Вот так. Смотрителем музея деревянного зодчества и еще каких-то малых форм, которые привезёт из Перми Налимов.

– Ба! Ты что? – хохотнула Рита. – Бред какой-то. Да он выгонит тебя, как только дом станет его.

– Спокойнее. Не суди с наскока. Человека надо получше узнать, чтобы вот так про него думать.

– Но – музей! С чего это – музей? Не понимаю.

– Ну как же! Дом этот строил его земляк. Знаменитый в их краях мастер. Пётр Окунев. Вот Налимов и хочет сохранить этот дом как произведение его искусства. Ну что?

– А я что?

– Как это что! – Таисия нетерпеливо отошла от Риты. – Ты же дочь моего старшего сына. Но его нет. Так что тебе действовать вместо него.

– А что Игорь?

– Игорь? Огорчение мое – этот Игорь. Уходит от всех разговоров о доме. Так что ты одна у меня осталась.

Рита нахмурилась и поднялась из-за стола.

– Нет, ба, я ничего не могу, – отпихнулась она. – И зря ты мне все это рассказываешь!

– Рита, нет! Почему – зря? – всерьёз встревожилась Таисия Андреевна. – Я ведь на тебя рассчитываю!

– Но что я могу?

– Можешь! – с подстёгивающей уверенностью провозгласила Таисия Андреевна.

– Ну хорошо. Только не понимаю, что я должна делать.

– Завтра приедет Налимов. Я хочу, чтобы и ты была. Прежде, чем принимать решение, надо разобраться, что он за человек. Вот в этом ты и можешь помочь! – почти просительно произнесла Таисия. – И не надо так удивляться. Ты милостива, умна, можешь к себе расположить. Можешь, можешь, если захочешь! Со мной Налимов настороже, не раскроется, а с тобой, молодой, хорошенькой, вполне может. Сойдись с ним поближе и раскуси его: можно ли ему доверять. Ты же у меня тонкая натура, чувствуешь людей.

– Ой, ой! Только не надо так!

– Перестань! Я же искренне. Без тебя мне ничего не удастся. Пожалей меня. – Таисия Андреевна тяжело опустилась на стул. – Кроме этого дома я нигде не смогу жить. Ты же знаешь наши с дедом отношения.

– Но, ба!

– Ну что?

Поникший, невиданно поникший у бабушки вид. И вроде на самом деле растеряна, не знает, как быть. Надо же! Такой она ещё никогда не бывала. Рита подошла к ней и погладила шёлком прикрытое плечо.

– Поможешь? – Таисия Андреевна подняла на Риту жгуче чёрные, как у Ритинога отца, глаза. Только не помнится, чтобы у него когда-нибудь были такие просящие.

– Постараюсь, – сдавленно выговорила Рита. – Приеду завтра, если на работе не задержат.

Таисия Андреевна благодарно похлопала по Ритиной руке.

Двурядный свет насквозь пронизывает пространство вагона-ресторана. Под дробь колёс и звяканье посуды на экране окон идёт движение холмов и низин, покрытых высоким и плотным лесом. В частокоче узких, островерхих, как кипарисы, тёмных елей то вспышками мелко трепещущая листва, то провалы полян.

От картин чащобного пермского рая взгляд набегал на лицо напротив. С буграми скул и впадинами щёк, озерцами голубоватых глаз и узким хребтом носа лицо Налимова приманивало не меньше, чем застеклённый вход в пермские просторы. Это лицо жёстко очерчено и спокойно. Такое лицо, хочется верить, обещает надёжность и защиту, по крайней мере, на время этой поездки. А может, и дольше? Нет, не надо! Только на те три дня, что пройдут в Перми. Если дольше, то наверняка вылезет какой-нибудь уродливый оскал на этом замечательном лице. А вот на три дня должно хватить его милости и мужества. Да? Уверена? Конечно. Ему же самому надо показать себя в лучшем виде и доказать, что эта его пермская земля – край всяческих чудес. Чтобы принято было твёрдое решение сохранить под его опекой одно из них, оказавшееся под Москвой – чудо-юдо дом, построенный Петром Окуневым. А что хочется тебе самой? Мне? Мне хочется птичкой влететь в невиданный еще край, попорхать там, но не умиляясь ему, а будоражась, и – назад, к себе.

– Рита! Вы чего дрожите? Замёрзли? – Налимов потянулся к подрагивающей на столе Ритиной руке. – Дует? Кондиционер. Может, пересядем?

Раскинутые к вискам глаза нахмуренно сблизились. Потом, видно, дошло, и появилась доверчивая девичья улыбка. Забавная девица. Двадцать два или три ей года. А носик-то у нее покраснел. Уж не насморк ли начинается?

– Смотрите, – остерёг Налимов. – Таисия Андреевна меня съест, набросится: такой-сякой увёз внучку, а она свалилась с простудой. А может, тогда водочки?

Рита кивнула. Глоток окатил нутро лёгким влажным жаром. Слегка приоткрыв рот, Рита откинула голову на спинку стула.

Упругая мякоть шеи под тонкой выделки кожей втягивает взгляд. В глубине шеи молодые сосуды гонят насыщенную кровь. Её алый цвет не виден, но чувствуется.

Чёрт знает что! Любят же сейчас про вампиров. Тьфу! Долго же сейчас стоит над горизонтом солнце. А в Москве в это время уже тьма. Здесь же – зудящее беспокойство от того, что в теле дремота, а через глаза вливается будоражающий

свет. Спустить шторку и в искусственной темноте попробовать вжиться в сон.

По прибытию в Пермь ранним жарким утром перед Ритой распахнул серебристую дверцу седана сын Налимова, Данила. Как только дверь захлопнулась, слепящая яркость и жара исчезли. Можно ехать.

– Рита будет в гостинице. Так она хочет. Отвезем её и – в контору, – сообщил Налимов сыну, устроившись рядом с ним на переднем сидении.

Сидевший за рулем оглянулся на Риту. Смерил оценивающим взглядом. Под давящей остротой голубовато-стальных, маленьких, как пули, глаз Рита вжалась в спинку сидения.

Явно недоволен Налимовский сынок, что отец привёз кого-то с собой. Поперёк горла ему, небось, всё, что идёт из Москвы. В белоснежной, шёлк с хлопком, рубашке хотел бы сам по себе князьком тут стоять, да? Дела свои без столичных нахлебников править. Тут бы своих накормить, и хватит. Верно? А Москва вечно: то, сё ей, пятое, десятое. Рита защитно сузила глаза. Но нет, не выходит отдельно от Москвы, ха! Однако присмотрись: Данила этот умеет крутиться-выкручиваться – вон какую неслабую тачку отхватил. Рита погладила гладко упругую поверхность сидения, провела пальцем по изящной коробке с кнопками, утопленной посередине и взглянула на густоволосый, коротко стриженный затылок Данилы. Нет ему причин так напрягать шею. Никакой угрозы ему с заднего сидения нет. Как бы его успокоить? Хотя пусть. Это он, видно, уже инстинктивно обороняется.

Тут оглянулся Налимов старший и приветливо блеснул озерцами глаз. Раздвинулась улыбка. Ещё и задорно подмигнул.

А вот Валерий Леонидович другой. Контактный. Открытый. Не опасливый. Хотя кто его знает. И станет ли ясно за три дня в Перми? Зачем он хочет вложиться в бугровский дом? Музей? Смешно. Неужели думает этим домом доказать силу пермьского мастера? Да не заметит того Москва. И не такое в ней затеривалось. И что их так тянет доказать себя Москве? Здесь что ли мало места? Или окружающая глушь их тут глушит?

– Ну вот и приехали, – сказал Налимов, отпуская Риту.

Только бросила вещи Рита, как сразу из гостиницы ушла. На ходу взбивает волосы, оправляет кофточку, подтягивает бриджи, а глаза ждуще – по сторонам, шаг стремительный, с паузами.

Так гонит желание встретить то, что можно полюбить. Спадёт тогда защитная пелена, откроются на всю глубину глаза

и уши, расширятся ноздри и поры, и без усталости пойдет вбирание того, что вызвало любовь.

Под вечер Рита вернулась и тотчас рухнула на постель. Блаженная утомленность покоилась на её лице.

Свернулась клубком, дёрнув ногой, как бы отпихиваясь от назойливого звонка мобильного. Через полчаса стук в дверь. Нарастающий. Тревожный. Рита нехотя поплелась открывать.

В комнату, хватая Риту за плечи, ввалился Налимов.

– Рита! Вы что?! На звонки не отвечаете!

– Я гуляла. – Рита, зевая, опустилась на край постели.

– Почему ваш мобильник молчал?

– Я его не взяла.

– Да как так можно! Я не знал, что и думать. Вы одна, в незнакомом городе....

– У вас чудесный город. – Рита вольно опрокинулась спиной на постель, но тут же выпрямилась. – Я в него просто влюбилась. Невыпендрёжный, и в то же время какой-то таящейся силой приподнятый и просторный. А река ещё просторнее. Улицы одна за другой к ней тянутся. Кама держит среди города свою мощь.

– Долго же вы гуляли! – Налимов, наконец, успокоенно сел на стул. – Как ещё не заблудились.

– Да что вы! Тут это невозможно. Всё четко и ясно прочерчено, как в Петербурге. И дома в центре того же стиля, но ниже, небо не заслоняют. И речной воздух доходит вглубь улиц.

– Ну и ладно. Понравилось и ладно, – ворчливо удовлетворился Налимов. И вдруг резко вскинулся: – Но этот старый центр – не самое главное, что есть у нас в Перми! И вообще этот под Питер стиль с финтифлюшками и колоннами – пустышка, мне не по душе. Вот завтра поедем в Кунгар, далековато, правда, вот тогда увидите, что такое настоящий пермский дух.

Двухполосным провалом рассекает шоссе густо и темно обитаемые урманы. Ущельем тянется дорога сквозь горами высящийся лес. Прорезали её по живому, но стойко и полно, по обе её стороны живут чащи, поймы, останцы и болота. Колышутся, манят, настораживают. Сплетают в своих глубинах буреломы, очерчивают поляны, свивают кроны и заросли в своём особом зверином стиле.

– Пермским звериным стилем Пётр Окунев владел с непревзойденным мастерством и новаторством, – говорит поселковая библиотекаря, встав посередине комнаты.

Налимов и Рита кружат вдоль стен, уставленных выделанными из дерева объектами – резными смесями зверей, растений и людей. Из этих смесей сформированы доски, полки, бадьи, скамейки, и в них иное смешение – иллюзии и реальности.

Рита присела перед резным стулом и вплела взгляд в застывшее кругообразное движение линий и объёмов, которые составляли его спинку. Постепенно определялось: вот – человек с рогами оленя, а вот – опадающие к плечам, как волосы, продолжение рогов, они сплетаются с витыми стеблями, упирающимися, как и ноги человека, в зубчатое тело ящера, разинувшего пасть, откуда фонтаном – облиственные ветви, замыкающие аркой всю композицию спинки стула.

– Обалдеть! – констатирует Рита.

– Да. Это один из лучших экземпляров нашей коллекции. Видите, как умело использован древний орнамент. Такой часто встречается в найденных при раскопках оберегах. Окунев сохранил и смысл орнамента, и стилизованность образов, но перенёс это на обыденный предмет, связав современный быт с древним осмыслением бытия.

– Не древним! – тихо прорычал Налимов. – Мы и сейчас так со всем этим связаны, хоть и пыжимся эту связь разорвать.

– Ну что вы, Валерий Леонидович! – проворковала библиотечарша. – Жизнь идёт вперед, мир так сильно меняется. Но мы, конечно, должны сохранять всё ценное, что было создано в прошлом. У нас ведь не так много уцелело. Из работ Окунева только то, что здесь, в музее нашей библиотеки. Ещё и у вас, Валерий Леонидович, несколько вещей.

– И кое-что ушло за границу. Я это точно знаю, – сурово отметил Налимов.

– Есть ещё дом в Троельге, – напомнила библиотечарша.

Налимов отчаянно махнул рукой.

– Нет, всё-таки! – настаивала библиотечарша. – Его, конечно, в своё время немного перестроили, но сохранился же!

– Этот дом, – взволнованно обратилась библиотечарша к Рите, – единственный уцелевший экземпляр архитектурного творчества Окунева. Представляете, там крыльцо, как вход в пещеру. Проём окружён мощными выступами брёвен основного сруба. Чудо!

– И это чудо они собираются обить сайдингом! – возмущённо вскинулся Налимов. – Видите ли, чтобы было в одном стиле с новой пристройкой! Идиоты!

– Может, ещё получится договориться, – робко предположила библиотекарьша.

– Там они столько уже наломали! Вы просто не видели. Но завтра попробую. Может, хоть насчет наличников договоримся. Если они их еще не сорвали и не сожгли. Заодно свожу Риту к Белой горе.

В неостывшие сумерки открыто окно Ритино номера. На теле горят отпечатки домов и деревьев, узоров и холмов, улиц и ложбин. Рита водит рукой по коже лица, шеи, рук, смазывая обожжённую за время поездки поверхность тела. А что проникло внутрь? Густая, многосоставная вытяжка из того, что встретила и видела. Будоражит кровь, кружит голову, мешает верх и низ. Гонит выскочить на городскую крышу, вытянуться, как стебель, раскинуть, как птица, руки, оскалить рот, как зверь, и смотреть в небо человеческими глазами. Но это так, воображается. А в действительности, утихомирить себя надо, утишить, войти в норму. Вот – постель, расстелить. Вот – пижама, надеть. Вот – одеяло, откинуть, залезть под него и укрыться.

В Троельгу, расплзшееся по склонам село, приехали под высоким полуденным солнцем. Налимов остановил машину у заваленного строительным мусором участка. В глубине его – мощный сруб дома, наполовину забинтованный белым сайдингом.

Рита осталась в машине, Налимов направился в дом. Минут через десять уже шёл обратно, огрызаясь на летевшие ему вслед выкрики: «Достал уже! Пошёл вон. Что хотим, то и делаем!»

Налимов молча вырулил из Троельги на шоссе и повёл машину дальше по пологим петлям вверх. Не говорил ни слова. Набыченно молчал. А до этого ведь был таким разговорчивым! Про то, про сё рассказывал. Что важное могло тогда выясниться? Наверное, то, что отец у него коренной пермяк, работал на лесозаготовках, а мать – приезжая, русская, была учётчицей. Часто болела. Когда умерла? – Рано. «У меня тоже», – с тихим солидарным жаром вставила Рита. Так что рос у бабки-пермячки в её родовом селе недалеко от Троельги. В школьные походы ходили. Даже до Ветлана добирались – белой обрывистой стене стометровой высоты, тянется она на десятки километров вдоль Вишеры и пучится выветренными причудливо столбами. Ещё в Каменный город забирались, скальные останцы там башнями, арками, ступенями....

Рассказывал обо всем этом Налимов холмисто, то поднимая в воодушевлении голос, то опуская его до небрежной шутовливости.

А вот после Троельги молчал, в сердитой замкнутости глядел на дорогу. Но что тут говорить? В лес надо. В самую гущу. Юркнуть под деревья, залечь на часок отдышаться. Такая мразь в глаза и уши набилась. Во что Окуневский дом превратили! А послушать их – так отличное жильё себе обустраивают. Разорались, будто дом у них отбирают. А просил-то ведь только наличники.

За окнами стало небеснее и светлее. Налимов остановил машину и вышел на широкую площадку у края обрыва. Рита открыла дверцу с вопросом: что?

– А ничего! Выходи тоже. Можно сказать, приехали. Вот она – Белая гора. Там слева – храм. А вокруг – вон какие дали.

– Кто это здесь кусается? Чёрные такие и летают.

– Это пауты. Здешние охранники. Ну что? Давай дыши! Где ещё столько воздуха? Никаких преград!

Налимов выпятил грудь, раздувая ноздри, и принялся усиленно дышать.

Белый храм пухлым купольным комом сидит на усеченной вершине. Важничает. Красуется обильным декором. Смущает своей каменной мощью.

Рита отвела взгляд. И тогда в глаза хлынул дикий простор бесконечных, как океан, холмистых волн земли в густой пене лесов.

Поставленный на вершине храм несёт округе вполне определённый смысл. А что несут волны холмов, какой смысл, кроме ощущения безмолвной силы. Есть ещё, правда, в этой волнистой дали с кипарисными конусами елей напоминание о далёкой Тоскане, но в памяти оттуда – вечное итальянское тепло, а тут надо помнить: месяцами всё сковано снегом и морозом. И смотришь на эту землю слезящимися от резкого ветра глазами.

Сновали туда, сюда туристы, фоткая красоты храма. Ветер не так ощутим, если стоять лицом к его громаде. Глядя на неё, Рита спросила:

– Кто тут молится? Столько народу должно сюда приходить, чтобы намолить такую махину. А ведь до ближайшего села – десятки километров.

– Неважно! – уверенно отмахнулся Налимов. – Главное – богато обновили, и красуется собор над дикой природой. Что думала? Тут такой вот имперский символ и нужен.

В кармане у Налимова зазвонил мобильник. На услышанное – краткое, гробовое: «Понятно. Передам».

– Ты что опять свой мобильник не взяла? – накинулся Налимов на Риту.

– Нет. А что?

– Плохи дела. Это Игорь из Бугрова звонил. Дом сгорел.

Руины дома живописно чернели среди зелени сада. В отдалении от пепелища под белым шатровым навесом стоял стол. Во главе стола сидела прибранная и подкрашенная Таисия Андреевна, неделю назад выписанная из больницы. За её спиной, оставив своё место между Игорем и Лизой, озабоченно стояла Рита. По левую руку от Таисии Андреевны сидел Александр, попавший на это собрание случайно – заехал в Бугрово после посещения Феофанова. У того была своя неприятность. Его лестница снова сломалась, но не от ветхости, а под тяжестью двух дородных барынь, приманенных к Феофанову давней, еще допожарной рекомендацией Таисии Андреевны. Из-за этого происшествия с лестницей Александру досталось в основном лицезреть спину Феофанова, поправлявшего поломанные ступени. Общение не складывалось, разговор не клеился. Досадно было стоять внизу и, задрвав голову, просительно пытаться обратить на себя внимание. Не получалось то, за чем приехал. Феофанов то пилил, то колотил молотком. Впервые Александр уехал от Феофанова голодным.

Феофанов всё чинил лестницу, а под шатровым навесом в саду в Бугрово никак не могли начать назначенное обсуждение. То муж Таисии Андреевны зачем-то ушёл к своей машине. То Лиза отлучилась с братом Ильей о чем-то пошептать. А когда вернулись, их мать, настойчиво отчеканив что-то в ухо мужу Игорю, отправилась покурить. Только она снова уселась за стол, как зазвенел мобильник сначала у Игоря, потом у Налимова, и они поочередно отходили поговорить.

– Мобильники отключить, никому не уходить! – тихо и твёрдо распорядилась Таисия Андреевна. – Надо решать, что будем делать.

От этого призыва каждый на свой манер нервически поёрзал. Раздавшийся скрип стульев вызвал у Таисии Андреевны неприязненный передёрг. Отвернув голову от собравшихся, она глухо произнесла:

– Своё слово я скажу последней. Первым пусть выскажется мой сын Игорь.

Игорь поднялся не сразу. Мельком взглянув на жену и на мгновение подняв глаза на Риту, он поправил на переносице тонкие, почти невидимые очки, уперев взгляд в стол. Кашлянув, оттолкнулся ладонями от края стола и встал.

– Предлагаю рассматривать случившееся как освобождение. Все из нас так или иначе понимали, что дом этот нам не по силам. И не хмыкайте, Валерий Леонидович. Вы в этом доме не жили и не знаете всех его слабых мест. А им нет числа. Мама, у тебя есть муж, мой отец, отличный архитектор и, надо сказать, самый близкий тебе человек, скажем так, из ныне живущих. Это так, ты должна это признать. Вот вместе с ним по его проекту на этом участке постройте себе простой удобный дом. И в нём моя семья будет с удовольствием бывать. Так, Инна?

– Конечно, – горделиво отозвалась она. – Вы же сами, Таисия Андреевна, понимаете, что восстановить старый дом, каким он был, невозможно.

– Почему же! – громко подал голос Налимов. – Вполне возможно. Фундамент остался, фотографии есть, мастера у меня тоже имеются.

– Но это же какие деньги нужны! – ужаснулась сестра Ксения.

– Я могу кое-что вложить, – уверенно сообщил Налимов. – Ещё ведь страховка есть.

– Со страховкой проблема, – сумрачно сообщила Таисия Андреевна.

– Что так?

– Не хочу об этом сейчас говорить. Но у полиции есть свои подозрения.

Налимов непроизвольно метнул взгляд на Лизу. Та отодвинулась на стуле от стола и с независимым видом повела головой. Тут снова подал голос Игорь:

– Если получим страховку, то денег хватит как раз на постройку небольшого удобного дома. На проект тратиться не придётся. Его сделает отец. Верно, папа? Без выкрутасов, чёткой конструкции, простой удобный дом.

– Простой! Удобный! – язвительно передразнил Налимов. – И это после того, что было!

– А что в этом доме такого было? – строго поинтересовался муж Таисии Андреевны.

– Мироззрение в нём было – вот что, Сергей Иванович!

– Ну да! Чудо-юдское! – хихикнула Лиза.

– «Чудь начудила, меря намерила», – тихо подхватил Александр.

Лиза кинула ему одобрительный взгляд. Лежавший у ног Таисии Андреевны пёс Ош глухо зарычал.

– Значит, старый дом никому не жалко! – с истеричной ноткой отметила Таисия Андреевна.

– Ну почему не жалко! – Рита ласково положила ладонь на бабушкин затылок.

– Какое это имеет значение – жалко, не жалко! – воскликнул внук Таисии, Илья. – Сейчас главное решить, что делать дальше. Вот это и давайте обсуждать. Я предлагаю продать здесь землю. Она рядом с Москвой, стоит больших денег. Очень больших. У деда пустует участок под Истрой. Вот там пусть бабушка с дедом и строят себе дом. Там будет им жить спокойнее и, наверняка, лучше. И денег на все хватит даже без страховки.

– Все высказались? – Дыхание у Таисии Андреевны пошло свистящими рывками, как хлопающий хвост разъярённого ящера. – Теперь скажу я. И мой голос будет решающим. Я хозяйка дома, хоть его теперь нет. Но я ещё есть, жива. – Таисия Андреевна потянулась рукой вниз и погладила Оша. – И ещё мой четырехглазый пёс. Он всё чует. Он нигде жить не сможет, кроме как здесь. Сергей Иванович это знает. Да, Сережа? Житья тебе не было от него, пока я была в больнице. А когда вернулась, в квартире он места себе не находил и всем мешал. Как и я всем мешаю.

Посыпались протестующие возгласы. Таисия Андреевна, снисходительно усмехаясь, переводила взгляд с одного лица на другое.

– Так вот. Я, – продолжила она, – остаюсь здесь.

Ничего больше не сказав, Таисия Андреевна поднялась и, пошатываясь, пошла к пепелищу, бормоча: – Как после войны жили? В руинах. Но как-то жили. Вот и я.

Покачнувшись, она рухнула на землю. Ош бросился к ней и начал лизать повернутое набок лицо.

– Отгоните собаку! – взвизгнула Инна.

Лиза схватилась за мобильник. Илья накрыл лицо руками. Игорь с Налимовым кинулись к лежащему на земле телу и, вдвоем подняв, куда-то понесли.

Александр приблизился к Рите, отошедшей к забору, где кое-как доцвели потоптанные во время пожара георгины. Рита к нему не повернулась. Не глядя, поймала его руку и, пожав, отпустила.

– Это ведь можно было предвидеть, – произнёс Александр. Рита, не оборачиваясь, неопределённо пожала плечами. Александр понимающе хмыкнул и покинул Риту, оставшуюся стоять лицом к забору.

Лиза смотрела на Александра издалека с внимательной улыбочкой. Он подал ей знак, что идёт к ней.

– А я жду, когда же ты со мной поговоришь, – доверительно сообщила она, беря его под руку. – Ну как тебе мое резюме? Берёшь меня в свою команду?

Рита тускло глядела на шагавшую по центральной дорожке пару.

Через год на месте пожарища под треугольной высокой крышей стоял новый прямоугольный дом с двумя открытыми прямыми террасами на западной и восточной его стороне. В нём постоянно живописалась Таисия Андреевна, чаще стоя у окна в сад. За ней – её муж и сестра. Иногда вырисовывались сын Игорь с женой, реже возникали их дети.

Сазоновский череп при строительстве нового дома не раскопали. Значит, остался лежать там, где был. Это какое-то время утешало Таисию Андреевну, потом она об этом забыла, как и обо всём остальном. По толкованию, близкому её сыну, она плотно задраила в себе свою бездну и всё, что было над ней.

А Рита? Рита по дороге из Пермского края, где почти год пыталась найти себе место в компании Налимовского сына, встретила понравившегося ей человека, который позвал её за десять тысяч километров от Москвы в Приморский край. Там она полюбила вырваться из обложивших её забот и стоять на сопке лицом к подступавшему океану.